

ДЕНИС БУРМИСТРОВ

16+

ЭПОХА МАСОК

КНИГА ПЕРВАЯ

ДЕМОНЫ И СТАЛЬ

Эпоха масок

Денис Бурмистров

Демоны и сталь

«Денис Бурмистров»

2023

Бурмистров Д. Е.

Демоны и сталь / Д. Е. Бурмистров — «Денис Бурмистров»,
2023 — (Эпоха масок)

Мрачное и бескомпромиссное темное фэнтези от автора бестселлера ЛитРес «Империя Млечного пути»! Последние дни наступают в Ардэанской Империи – некогда могущественное государство гибнет под нашествием загадочной силы, превращающей землю в бесплодные пустоши, где обитают ужасающие чудовища, где из бездонных пещер дуют моровые ветра, а в вечном зените слабо мерцает бледное Солнце Мертвых. Немногочисленные города выживших накрывает эпидемия одержимости демонами, вновь поднимают головы темные культы старых богов, а вслед за беженцами с севера в дома вползает голод. Эта история о двух мальчиках, которым предстоит пройти тяжелый и кровавый путь взросления, став теми, кто принимает решения о судьбах мира, отчаянно балансирующего на краю гибели. История мальчиков, слишком рано понявших, что наступила Эпоха Масок, эпоха, когда правят демоны и сталь.

© Бурмистров Д. Е., 2023

© Денис Бурмистров, 2023

Содержание

1. Максимилиан Авигнис	5
2. Улисс Кано	29
3. Максимилиан Авигнис	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Денис Бурмистров

Эпоха Масок. Книга первая. Демоны и сталь

*«Вышедшие на Свет обрели разум, ушедшие во Мрак сохранили
кльки».*

Август Дрэйк, магистр Церкви Света Единого

1. Максимилиан Авигнис

Впервые одержимого Максимилиан увидел в раннем детстве, когда с семьей гостил в Тароне у родственников по материнской линии.

В ту пору небеса еще бывали светлыми, и порой даже удавалось разглядеть мутное пятно плывущего за серой пеленой солнца. В один из таких дней они с сестрами играли в небольшом саду тетушкиного дома, не обращая внимания на привычные охи и причитания тучной сиделки Класы, предостерегающей детей от всех мыслимых и немыслимых опасностей. Ближе к полудню погода испортилась, холодный ветер принес тяжелые багровые тучи и прежде, чем начался дождь, детей загнали в дом.

Пока все рассаживались в гостиной, а хромой слуга Хёрк раздувал тлеющий камин, Максимилиан взбежал по крутой лестнице в небольшую башенку флигеля, с ногами залез на широкий каменный подоконник, и со вздохом сожаления уставился на темнеющую кучу земли в саду, из которой торчала деревянная голова забытого во время игры «легионера».

По другую сторону высокой чугунной ограды раскинулась площадь с уходящей в сторону улицей. Еще недавно из флигеля открывался вид на городской фонтан, и на караул у башни Тригмагистрата – стражников в красно-полосатых камзолах с блестящими алебардами. Но сейчас между бежевыми фасадами старого города будто растянули аляповатое лоскутное одеяло, закрывающее и фонтан, и стражников – город заполонили палатки и кибитки беженцев с севера, где, со слов дядюшки Юлиуса, «тьма поглощала землю и твари пожирали нечестивых».

Максимилиану строго-настрого запрещали приближаться к шелестящему, галдящему, исходящему запахами и вонью разноцветному поселению. Родители не утруждали себя разъяснениями, а старший брат Роланд со знанием дела рассказывал, что беженцы притащили за собой чуму, что они крадут детей и обменивают их на еду и одежду. Сказал, что среди них много «одержимых».

Максимилиан сидел на подоконнике и смотрел, как жители палаточного городка готовятся к непогоде, как торопливо прячут под трепыхающимися пологам нехитрый скарб. Эти люди были под стать своим жилищам – разношерстно одетые, в разных личинах, но как один взъерошенные и пыльные.

Его внимание привлек худой мальчик, почти ровесник, вышедший из-за ближайшей телеги. Мальчика был одет в некогда парадный, а теперь потертый и блеклый костюмчик с двумя рядами пуговиц по бортам и дутыми буфами на плечах, на ногах поблескивали треугольными пряжками ладные кожаные ботиночки. И маска на мальчике была самая простая, из серо-зеленой коры «кошачьего дерева», что раздавали монахи возле Собора Единого Света.

Мальчик пересек улицу и вплотную подошел к ограде, прижавшись телом к решетке. Смотрел он туда же, куда до этого и Максимилиан – на забытую игрушку «легиона». Потоп-

тавшись немного, без труда протиснулся между чугунными прутьями и, вытянув тонкую руку, попытался дотянуться до солдата.

Максимилиан возмущенно вскочил на подоконник, забарабанил кулаком по тяжелой раме, привлекая внимание воришки.

И не сразу заметил, как в темноте между домами заворочалась кривая фигура, казавшаяся до этого частью каменной кладки. И лишь когда она вышла из тени, подергиваясь, словно марионетка пьяного кукольника, Максимилиан застыл, не в силах оторвать взгляда.

То был молодой мужчина с колтуном торчащих во все стороны русых волос и без личины, поэтому на бледном лице четко выделялись кривой овал перекошенного рта и влажные бельма закатившихся глаз. Его простой походный костюм был перепачкан землей, словно его хозяину пришлось выкарабкаться из глубокой ямы, а перевязь меча съехала так низко, что пустые ножны тащились за мужчиной по земле.

На город упали первые капли «кровавого» дождя, и мальчик, почти доставший солдата, торопливо набросил на голову капюшон. Он не видел появившуюся позади фигуру, был слишком занят предвкушением скорого обладания.

Мужчина в два прыжка пересек улицу и схватил мальчишку за ногу. Без труда, словно тот был тряпичной куклой, поднял над головой и со всего маху ударил о начинающие багроветь камни брусчатки.

Вряд ли Максимилиан мог слышать звуки на таком расстоянии, но ему потом казалось, что до него донесся явственный хлопок, который бывает, когда с подводы падает и разбивается зрелая тыква. Но в тот момент ему было не до сравнений – он застыл как соляной столб, пораженный внезапной жестокостью увиденной картины.

Мужчина вновь поднял мальчишку над головой, вновь обрушил безвольное тело о мостовую. Потом еще раз, и еще. Потом принялся рвать на куски, и фонтаны крови смешивались с бурями струями начавшегося ливня.

Это продолжалось, пока не подросли мужчины из палаточного городка. Они повалили сумасшедшего на землю, принялись бить дубинами и топтать. Но тот каким-то чудом вывернулся, сам бросился в атаку. Его движения пугали больше, чем сама схватка, мужчина походил на гигантского паука, а не на человека. Казалось, он не чувствовал боли, не обращал внимание на широкие раскрытые раны, а слова, вылетающие с его языка, были страшными и незнакомыми.

Все закончилось с появлением стражи – превратившегося в красного демона мужчину насадили на алебарды и отсекли голову широким палахом.

Так Максимилиан впервые увидел «одержимого». Так на долгие годы в нем поселился ночной кошмар, заставляющий просыпаться по ночам и до зубовного стука всматриваться в плывущие по комнате тени, в которых мог скрываться кровожадный монстр с бельмами глаз.

Тогда Максимилиан еще не знал, что чудовища могут выглядеть совсем по другому.

* * *

Семь лет спустя

Тяжелый бочкообразный дилижанс медленно полз по узкому тракту, качаясь и скрипя рессорами. Мимо проплывал кажущийся бесконечным кривой и темный лес, пугающий мертвой тишиной, а по свинцовому небу тянулись похожие на рваные лохмотья черные тучи.

Максимилиан представил, что по ту сторону подлеска, за пологом низкого тумана, скрывающего голые узловатые деревья, вслед за неторопливым дилижансом крадутся демоны, горбатые и злые, только и ждущие, когда путешественников сморит сон. И вот тогда...

Мимо пыльного окошка легкой рысью проскакал всадник – громадный кассариец в бригадине, отороченной пятнистым волчьим мехом. На боку воина болтался клевец с хищно

поблескивающим жалом, за спиной виднелся небольшой листовидный щит, обтянутый плотной кожей.

Кассариец повернул голову, и на Максимилиана посмотрело чудовище с застывшей клыкастой ухмылкой от уха до уха. Однако глаза по ту сторону маски приветливо улыбались.

Воин важно кивнул и проехал дальше, в сторону возничего. Мальчик помахал ему вслед, провожая взглядом, потом завистливо вздохнул и откинулся на спинку жесткой скамьи. Протянул:

– Надоело.

Сидящий за узким столиком Роланд отвлекся от чтения и покосился на младшего брата. Спросил:

– Что тебе надоело?

– Ехать надоело, – Максимилиан насупился, сложил руки на груди. – Долго еще?

Роланд заложил раскрытую книгу небольшим пером, расправил плечи, сладко потянулся. Он уже был почти взрослый, на три года старше Максимилиана и на две головы выше его, сильный и ловкий, с начавшими пробиваться над верхней губой усиками. Все отмечали схожесть Роланда с отцом, те же крупные черты лица и внимательный взгляд из-под густых бровей. Старший брат даже пострижен под стать отцу, поверенному сановнику Ордена Радиус, инквизитору-венефиканцу Кастору Авигнису – короткий ежик черных волос и выбритые до синевы виски. На шее Роланда поблескивал амулет «малой Авроры», подаренный ему на совершеннолетие.

Максимилиан машинально дотронулся сквозь ткань рубахи до своего амулета, обычного рябого камушка с запертой внутри частицей Света. Вновь вздохнул, на сей раз со сдержанной завистью.

Ему самому досталось внешность матери, Орианы Авигнис, женщины хрупкой и болезненно худой. Тонкие черты лица Максимилиана не шли ни в какое сравнение с суровой тяжестью образов брата и отца, зеленые глаза обрамляли слишком пушистые ресницы, а тонкие руки с трудом удерживали учебный меч. Единственное, в чем младший Авигнис преуспел, так это в чтении и каллиграфии – ему легко давались новые науки, память с готовностью впитывала все увиденное и услышанное, а длинные пальцы без запинки выводили на бумаге самые хитроумные закорючки.

Однако, это было не тем, о чем мечтал Максимилиан в свои одиннадцать лет. Он не хотел становиться чиновником или клириком, особенно сейчас, когда наступили Последние Дни. С упоением погружаясь в многотомные «Хроники Утраченного Света», он мечтал с мечом в руках оборонять границы Стоунгардского Серпа от порождений Лунных Пустошей, покорять страшных и кровожадных последователей старых богов, бесстрашно бороться с демонами в рядах гостальеров. Или, на худой конец, ловить ведьм, как его отец.

Но перед самым отъездом отец вызвал Максимилиана в свой маленький, пахнущий ладаном и терпкими благовониями тесный кабинет, где сообщил, что по возвращению из Бростока тот будет определен в одну из церковных семинарий. Перечить воле Кастора Авигниса младший сын не посмел, но с трудом проглотил горькую обиду, забросив любое чтение о баталиях и сражениях.

Роланд, которому предрекали хорошую военную карьеру, и которому Эрган даже показал пару финтов с кинжалом, наклонился вперед, выглядывая в окошко. За пыльным стеклом ровным счетом ничего не изменилось, все также темнел черными зубцами на фоне серого неба лес, все также клубился в подлеске вязкий, похожий на легкую паутину, туман.

– К ночи должны быть на месте, – с уверенностью сказал Роланд. – Не больше трех часов осталось.

– А что, если не успеем? – спросил Максимилиан, стараясь, чтобы брат не услышал в его голосе тревожные нотки. – Мы ведь совсем рядом с Пустошами.

Последняя фраза все равно прозвучала испуганно-приглушенно.

Брат улыбнулся, со знанием дела покачал головой.

– Успеем, не бойся. Ночевать точно будешь на мягкой перине.

– Откуда ты знаешь? – не смог сдержать язвительность Максимилиан.

– Отец вчера говорил, – спокойно ответил Роланд, потом указал пальцем в сторону стенки дилижанса. – И Эрган третий раз передового меняет, а он делает это раз в два часа.

Максимилиан мысленно выругался – он мог бы и сам это заметить, телохранители-каскарифы действительно сменяли друг друга с определенным интервалом.

– А даже если не успеем, – вдруг продолжил Роланд. – Думаешь, по наши души демоны явятся?

Он со смехом состроил кровожадную гримасу и простер руки в сторону младшего брата. Прогудел страшным голосом:

– Утащат в Каменный Термитник, пожрут твою плоть и обратят во мрак душу!

– Хватит! – не выдержал Максимилиан, косясь на темный проем окна. – Нельзя такие вещи на ночь произносить!

– Ерунда, – отмахнулся Роланд. – Детские сказки. Ты все еще веришь, что если произнести имя злой сущности, то она услышит и придет за тобой? А даже если и придет, то мы со всем справимся! От демонов у отца есть целый саквояж свитков и самоцветов, а с лихими людьми разберутся Эрган и его друзья.

Максимилиану не понравился менторский тон брата, и он мог бы возразить, что на ночных дорогах бесследно исчезали куда более подготовленные отряды. Мог рассказать, что во всех хрониках и трактатах, посвященных дням Утраченного Солнца, буквально слово в слово повторялись предостережения от легкомысленного отношения к проявлениям Лунных Пустошей и Мертвого Материка, что подобное отношение приведет к гибели всего человечества. Он мог бы сказать, что никакие камни и мечи не защитят от «червивой проказы» или «алой коросты», мог напомнить, как умирал их старый повар Мариус, и почему им пришлось ехать вслед за отцом, наблюдая, как «чумные доктора» затягивают двери их дома черной тканью с начертанным белым крестом.

Ничего такого Максимилиан говорить не стал. Он, даже в беседе с братом, не смел ставить под сомнение навыки отца, да и опасался насмешек Роланда, считающего себя умнее и прозорливее лишь потому, что раньше него появился на свет. Потому лишь буркнул:

– Пусть так, но я все равно хотел бы встретить закат внутри крепких стен, а не в дороге.

– Я даже спорить не стану! – рассмеялся старший брат. – От этой лавки уже задница немеет. Кстати, мне тут Эрган одну историю рассказал занятную.

Он хитро улыбнулся, многозначительно задвигал бровями. Добавил:

– Про пирата, священника и шлюху.

Максимилиан зарделся, но с любопытством подсел поближе, враз забыл обо всех страхах и сомнениях. Попросил:

– Расскажи!

– Только тихо, – Роланд глазами указал на деревянную перегородку, отделяющую их каморку от пассажирской части дилижанса, в которой ехали мать с отцом. – А то придется до самого Брастока псалмы петь, как в прошлый раз.

– Я же извинился! – обиженно взвился Максимилиан. – Я не специально!

– Ладно, забыли, – Роланд подмигнул, дав понять, что все простил. – Ну, слушай. Нашли как-то пират, священник и шлюха мешок с золотыми динарами...

За одной историей пошла другая, третья – Роланд знал их великое множество, как поучительных, так и совсем уж скабрезных. Максимилиану, которого разбирали то смех, то удивление, приходилось фыркать в кулак, чтобы не привлечь нежелательное внимание родителей.

Примерно через час они подкрепились галетами, запивая твердые лепешки разбавленным виноградным соком. Роланд, наблюдая, как Максимилиан убирает под лавку узелок с пустым кувшином, сказал в продолжение начатой до ужина темы:

– Макси, не знаю уж какое нам уготовано будущее, но я вижу себя только в плаще претория. Стоит ли размениваться на меньшее?

– В претории только детей лэндлордов берут, – неуверенно возразил Максимус. – Тебя даже за ворота не пустят.

– Много ты понимаешь, – усмехнулся Роланд. – Это раньше такие правила были, когда Золотой Дом еще в столице стоял, и Император был жив. А сейчас лэндлордов почти не осталось, потому можно в претории попасть не по роду, а по умениям.

Он отточенным движением пальца поддел кривую гарду висящего на поясе кинжала, легко вытащил блеснувшее рыбкой оружие и, покрутив на ладони, продемонстрировал брату.

– Видал?

– Видал, – без особенного энтузиазма ответил Максимилиан.

Он частенько становился свидетелем тренировок Роланда, потому знал все его финты и фокусы.

Кинжал вернулся в ножны, старший брат продолжил:

– Сейчас сложные времена, Макси, сейчас Империя вновь нуждается в хороших бойцах.

Это были явно не его слова, Роланд никогда не выражался столь высокопарно. Должно быть, услышать от кого-то в фехтовальной студии.

– Остаткам человечества, как никогда, необходимо объединиться под единым знаменем Империи, – с абсолютной серьезностью сказал старший брат. – Иначе нас ждут забвение и тлен.

– Вся имперская армия не смогла остановить нашествие Пустоши, – не удержался Максимилиан, запоздало поняв, что Роланду может не понравиться выражение сомнения.

Он даже мысленно приготовился выслушать обидные упреки, но лицо брата внезапно вытянулось, и он подался вперед, стараясь разглядеть что-то по ту сторону окна.

Максимилиан проследил за взглядом Роланда, и охнул.

Вдоль дороги уродливыми химерами чернели силуэты насаженных на колья людей. Уже опустилась вечерняя тьма, заботливо укрыв от детей детали экзекуции, но с каждым новым проплывающим мертвецом что-то начинало проявляться – то глянцево поблескивающие ногти на скрюченных пальцах, то провалы глазниц на выдолбленном птицами черепе, то обглоданные лесными тварями ноги. Максимилиан не сразу сообразил, что темноту оттесняет усиливающийся багровый свет, идущий откуда-то с головы кортежа – они приближались к разъезду.

Только он обрадовался возможности наконец выйти наружу и размять ноги, как в стенке, соединяющей два отсека дилижанса, распахнулась небольшая створка. Тонкая рука отодвинула шторку, и в проеме появилась Ориана Авиagnosis, строгая и напряженная. Она окинула сыновей быстрым взглядом, коротко предупредила:

– Сидите тихо.

Прежде, чем створка захлопнулась, Максимилиан успел заметить в руках матери мелькнувшее цевье легкого арбалета.

С улицы донеслись крики, громкие и злые. Максимилиан различил гортанный возглас Эргана, мимо тяжело проскакал один из телохранителей.

Прошелестела сталь, и Роланд с обнаженным кинжалом пододвинулся к окну.

– Ты куда? – громким шепотом спросил Максимилиан, хватаясь за плечо брата.

– Тихо, – шикнул тот. – Дай посмотреть.

Он прижался к стенке, пытаясь разглядеть происходящее перед дилижансом. Лошади словно ощутили желание Роланда, попятились на несколько шагов, чуть развернув повозку к обочине.

Теперь увидел и Максимилиан, выглядывая из-за спины брата. Дорогу перегораживало тонкое поваленное дерево с грубо обрубленными ветвями. Рядом, на кривом древке, покачивался масляный фонарь. Чуть в стороне, удобнее перехватив короткое зазубренное копье, стоял воин в простом шлеме и выдавшей виды маске, отдаленно напоминающей медвежью морду. На обочине горел небольшой костер, оттеняя высокую пирамиду походной палатки, над которой болтался похожий на лохматое веретено «ловец духов».

– Смотри! – Роланд дернул брата за рукав. – Линкет!

Максимилиан не сразу разглядел существо, застывшее на границе света. То был сильно истощенный человек в грязных и рваных лохмотьях, напоминающих засохшие струпья. Его поза, положение рук и чуть заметные подергивания наводили на мысли о богомоле, рта и носа не было, вместо них влажно поблескивали бордовые складки, похожие на раскрытый бутон мясистого цветка.

Линкет сделал конвульсивный шаг, и стало заметно железное кольцо на его ноге, от которой куда-то в темноту тянулась крупная ржавая цепь. Существо вытянуло шею, повернуло в сторону дилижанса шишковатую голову с остатками волос.

Максимилиан брезгливо скривился, отводя взгляд.

– Оно нас не видит, – успокоил Роланд. – Оно чувствует только гниющую плоть и спрятавшихся темных духов.

Тем временем еще один воин в медвежьей маске о чем-то спорил с возвышающимся на коне Эрганом. Кассариец смотрел на собеседника сверху вниз, отвечая отрывисто и скупое, и разговор у них явно не ладился. Стражник то и дело дергал головой, словно выплевывая слова, жестами требовал, чтобы Эрган спешился. Со стороны палатки подошли еще солдаты, в свете костра заблестело оружие. Кассариец, в свою очередь, положил ладонь на рукоять кевца, выпрямляясь и повышая голос.

– Если начнется бой – лезь под лавку, – тихо приказал Роланд, пожирая глазами препирающихся воинов.

– Это люди одного из северных баронов, – обронил Максимилиан, наконец, вспомнив, где видел «медвежьи» образы. – Почему они нас не пропускают? У нас же имперские шевроны...

– Ты слышал, что я сказал? – Роланд повернул голову, в его голосе появились отцовские «ледяные» нотки.

– Да, – торопливо выдохнул Максимилиан. – Слышал.

Тем временем ситуация стремительно накалилась – стражник бесстрашно ухватился за поводья лошади Эргана, потянул на себя. Кассариец коротко пнул его в лицо, проревел что-то на своем гортанном языке. Другие воины в медвежьих масках возмущенно зашумели, вскинули оружие, а прямо возле дилижанса скрипнула тетива натянутого арбалета.

– Именем Света Единого остановитесь! – разнесся над трактом властный мужской голос.

Повозка качнулась, и на дорогу вышел Кастор Авигнис в своем длинном инквизиторском плаще. Максимилиан и Роланд разом подались вперед, с тревогой и восхищением взирая на то, как отец неторопливо приблизился к гарцующему на коне Эргану, жестом велел телохранителю отступить. Подозвал к себе одного из солдат, показал символ Ордена Радиус.

На всех имперских землях жетон с серебряным лучом пользовался достаточным весом, чтобы решить большинство проблем. Однако, подошедший к отцу воин хоть и убрал в ножны щербатый палаш, но не выглядел обескураженным или виноватым. Он повернул голову в сторону палатки, словно ожидая кого-то еще.

И действительно, из полумрака вышел мужчина, облаченный в плотную накидку с меховым воротником, и зеленый камзол с позолоченным пуговицами. На перевязи, у пояса, висел

белый мешочек-лапис¹, на шее покачивался дорогой амулет в виде крупного красного камня, обвитого серебряной оправой.

На незнакомце, как и на солдатах, тоже была «медвежья» маска, но куда как лучшего качества – игра света и тени делала ее живой.

Максимилиан решил, что это должно быть лейтенант разъезда, уж очень важным он выглядел, двигался неторопливо и расслабленно.

Мужчина остановился напротив отца, они перекинулись парой фраз, после чего старший Авигнис вновь показал орденский медальон. Лейтенант кивнул, разговор продолжился. Спустя короткое время глава семейства сделал приглашающий жест, и они направились к дилижансу. Один из солдат, подхватив длинную палку со стальной петлей на конце, поспешил к линкету, но старший разъезда жестом остановил его.

– Я же говорил, что отец все решит, – довольно произнес старший брат, выпрямляясь и убирая кинжал. – Приведи себя в порядок, Макси, у нас гости.

Максимилиан услышал в голосе Роланда легкую напряженную вибрацию и с каким-то облегчением понял, что тому тоже не по себе. Быстро оправил свою курточку, стряхнул крошки со штанов. Потянулся за маской, висящей на стене.

– ...Согласен, не самое благостное зрелище, однако, весьма эффектное, – донесся с улицы приглушенный голос незнакомца. – Барон Август Баер не желает видеть на своей земле голодранцев с севера, из которых каждый второй либо чумной, либо одержимый.

– Тригмагистрат постановил оказывать посильную помощь всем согражданам, ставшим жертвами Пустоши, – отозвался отец. – Закон распространяется на все имперские земли.

– На все имперские земли? – незнакомец даже не скрывал насмешки. – Господин инквизитор, сколько их осталось, тех земель? Некогда владения Баеров простирались от левого берега Ириды до восточного склона Дарии, теперь же там гниль, руины и чудовища. Единственное, что осталось в наследство, так это жалкий кусок побережья и старый форт, построенный еще прадедом досточтимого барона. Император, который начал войну с Пустошами, сгинул вместе со столицей и армией, так что компенсации просить не у кого. Так какую посильную помощь может предложить нам Тригмагистрат?

Отец ничего не ответил, поэтому лейтенант продолжил:

– Нет более никакой Империи, господин инквизитор, нет единых законов и укладов. Мы все как крысы на обломках корабля, каждый сам за себя.

Они остановились возле дилижанса.

– Законы церкви тоже канули в прошлое? – сухо спросил старший Авигнис.

– Смею вас заверить – не здесь, не во владениях Августа Баера, – учтиво ответил незнакомец. – Пусть мы теперь вынуждены жить на землях язычников, но истово следуем путем Света Единого. Поэтому, поверьте, с нашей стороны никакая опасность ни вам, ни вашей семье не угрожает.

Максимилиан посмотрел на Роланда – расслышал ли тот плохо скрываемую многозначительность в словах лейтенанта? Но по лицу брата уже ничего нельзя было понять, оно было скрыто под семейной личиной – маской из жесткой кожи красного буйвола с двумя белыми горизонтальными линиями под глазами, символизирующими принадлежность к семье служителя Церкви.

Скрипнула дверь дилижанса, повозка слегка качнулась.

– Вечер добрый, госпожа, – раздался голос незнакомца.

– Дорогая, – обратился отец к супруге. – Господин Рихтер выполняет поручение барона Августа Баера, ищет беглых преступников.

¹ лапис – мешочек для камней

– Добрый вечер, господин Рихтер, – голос Орианы был сух и официален. – Но у нас нет тех, кого вы ищите.

– Даже не сомневаюсь в этом, – лейтенант был сама любезность. – И, в свою очередь, прошу простить меня за служебное рвение, но я вынужден соблюсти формальность. Позвольте, я осмотрю дилижанс?

Должно быть, мать кивнула, потому что ответа не слышалось.

Прошла короткая пауза, сопровождаемая щелчками замков на сундуках и шелестом ткани. Максимилиан представил, как мать пытливо смотрит на супруга, как поглаживает спрятанный в складках юбки арбалет. Последние годы приучили быть осторожнее, тем более, с вооруженными людьми на темных дорогах.

– Еще раз прошу меня извинить, – вновь раздался голос господина Рихтера. – Могу ли я взглянуть на второе отделение?

– Там мои сыновья, Роланд и Максимилиан, – сдержанно пояснил отец.

– Прекрасно, – казалось, что господин Рихтер улыбается. – Я их не напугаю, обещаю.

Роланд бросил беспокойный взгляд на брата, прошептал:

– Не переживай, все будет хорошо.

Стукнул крючок засова, и господин Рихтер возник в проеме, словно персонаж ожившей картины, принеся с собой холодный сырой воздух и запах мокрой шерсти. Он оказался крупнее, чем виделся в окно, но не таким огромным, как сопровождающие повозку кассарийцы. На бронзовой маске блестели бисеринки осевшего тумана, глаза в темных провалах смотрели цепко и пронзительно.

– Добрый вечер, дети.

Рихтер произнес это приветливо и даже дружелюбно, но вот его взгляд был взглядом охотника, выискивающего добычу, от него становилось холодно и неудобно.

– Как вы видите, чужаков у нас нет, – донесся из-за спины голос матери. – Если на этом все, то мы бы хотели продолжить путь.

– Да, конечно, – откликнулся Рихтер.

Но никуда не ушел, а отчего-то склонил голову на бок, пристально разглядывая Максимилиана.

– Господин Рихтер, – вмешался отец. – В чем дело?

Лейтенант чуть подался назад, собираясь уходить. Но вдруг протянул к лицу Максимилиану ладонь с растопыренными пальцами, и лишь в последний момент замер, громко бросив через плечо:

– Господин Авигнис, сделайте последнее одолжение. Пусть младший ребенок снимет личину.

Максимилиан, и без того напуганный поведением чужака, отшатнулся, неосознанно хватаясь за маску. Услышал возмущенный голос матери:

– Что вы себе позволяете?

И голос отца, жесткий, недобрый:

– Осмотр завершен, господин Рихтер. Вам пора вернуться к своим людям.

Тон главы семейства не предвещал ничего хорошего, однако человек в медвежьей маске, должно быть, ощущал себя под достаточной защитой, чтобы не бояться гнева инквизитора. Он недовольно дернул плечом, вновь уставился на Максимилиана. Прощедил сквозь зубы:

– Я сам решу, когда закончить осмотр.

Однако прежде, чем он что-либо сделал, под его незащищенной гортанью возникло узкое лезвие обоюдоострого кинжала.

– Он не снимет личину перед чужаком, – голос старшего брата звенел от безрассудной смелости.

Глаза господина Рихтера с какой-то безразличной снисходительностью покосились на Роланда, но руку он убрал.

Максимилиан, вдруг оказавшийся в центре непонятных событий, даже дышать не смел, чувствуя, как сильно колотится сердце. Казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди и заскачет по полу, словно испуганный кролик.

– Господин Рихтер! – отец уже не скрывал угрожающих интонаций. – Немедленно отойдите от моих детей!

Громко всхрапнул конь, предупредительно вскрикнул кто-то из стражников. Зазвенела сталь и что-то грубое рывкнул Эрган.

Взгляд господина Рихтера остановился на торчащих над маской волосах Максимилиана. Он прищурился, разглядывая их внимательнее, даже чуть вытянул шею, отчего лезвие кинжала Роланда с неприятным шелестом заскользило по его щетине.

И тут блеск в глазах лейтенанта пропал, он разом утратил весь интерес. Заявил громко:

– Не нужно переживать, господин Авигнис! Я уже закончил!

Он подмигнул Максимилиану и одним движением убрался из окошка. Мелькнула рука матери, захлопывающая дверцу отделения. Шумно выдохнул Роланд, вытягивая ноги. За тонкой стенкой дилижанса произошел короткий разговор на повышенных тонах, раздался хруст оттаскиваемого с дороги дерева. Кто-то дважды хлопнул по борту повозки, та дернулась и потащилась вперед, медленно набирая скорость. За окном проплыли фонарь на тонком шесте, костер, застывшие теньями стражники, черный горб палатки и господин Рихтер, кутающийся в плащ.

Максимилиан сделал долгий выдох, успокаиваясь. Его трясло, в голове метались мысли одна ужаснее другой.

Что произошло? Почему именно он стал объектом такого пугающего внимания? Что если этот господин Рихтер не отстанет и последует за ними в Брасток?

В горле пересохло и ужасно захотелось пить, но Максимилиан не смел снимать маску, лишь сжал дрожащие пальцы в кулаки.

– Макси!

В отличие от него, старший брат явно пребывал на душевном подъеме, словно пережил захватывающее приключение.

– Макси! – воодушевленно повторил Роланд, скидывая личину. – Ты видел, как я его?

Он повторил свой жест с кинжалом, вновь приставляя его к горлу невидимого лейтенанта.

– Если бы он полез к тебе, Макси, во имя Света, я бы его...

Дверца распахнулась, в проеме появились родители – напряженная и встревоженная мать, хмурый и задумчивый отец.

– Убери оружие, – приказал глава семейства.

Роланд спрятал кинжал в ножны, с гордостью воскликнул:

– Отец! Ты видел, как я защитил Макси?

– Молодец, – сдержанно похвалил сына Кастор. – Но впредь не смей доставать оружие без моего указания.

– Но отец! – возмущенно вскинулся Роланд. – Он угрожал Макси! Он хотел снять с него личину!

– И ты правильно сделал, что заступился, – качнул головой старший Авигнис. – Просто запомни – обнаженное оружие всегда зовет кровь. Порой, не вовремя вытащенный нож дает слишком хороший повод тому, кто по другую сторону лезвия. И если твой кинжал может оставаться в ножнах – пусть там и остается, ясно?

– Ясно, – буркнул Роланд.

Он разом поник, отвернулся к окну и обиженно засопел, давая понять, что у него имеется на этот счет свое мнение.

Отец нахмурился – обычно, он на корню пресекал подобное поведение. Но промолчал. Слово взяла Ориана.

– Макси, дорогой, – она сняла с младшего сына маску и пытливо заглянула в глаза. – Ты в порядке?

Максимилиан с благодарностью встретил теплый взгляд матери, кивнул в ответ. Хотел сказать, что все хорошо, но отец его опередил, сказав:

– Конечно, он в порядке. Ничего ужасного не произошло.

Он протянул руку, сделал жест пальцами:

– Ну-ка, покажи амулет.

Максимилиан поспешно наклонился и вложил в раскрытую ладонь отца висящий на шее камушек. Старший Авигнис внимательно осмотрел амулет, наблюдая за поведением своего орденского перстня. Но медовый цвет янтаря остался неизменным, не засветился багровым, не подернулся черной паутиной.

Максимилиан, с тревогой наблюдающий за проверкой амулета, не сдержал облегченный вздох – камень был пуст, как и вначале путешествия. Значит, господин Рихтер не пытался сглазить его, навести порчу или подселить призрака-паразита. Но почему тогда он себя так странно вел?

– Ну вот, – отец отпустил амулет, отстранился. – Я же говорил, что все хорошо.

Он даже позволил себе проявление заботы, потрепав младшего сына по волосам и чуть улыбнувшись ему краем рта.

И странно – Максимилиану разом полегчало. Куда-то улетучилась липкая тревога, появилось чувство защищенности, вернулись уверенность и хорошее настроение.

Тем временем отец щелчком пальцев привлек внимание Роланда, сложил перед собой руки и сказал, переводя взгляд с одного сына на другого:

– Слушайте, дети мои, и слушайте внимательно. Мир стремительно погружается во мрак, и я, пожалуй, соглашусь с солдатом барона – наступили тяжелые времена, времена волков.

Глава семейства сделал жест в сторону окна, за которым опустилась непроглядная ночь.

– Вы уже достаточно взрослые, чтобы нести ответственность за себя и за семью, – продолжил отец. – Сегодня мы увидели, как легко нас могут настигнуть испытания. Помните – мы больше не дома, не под щитом имперской армии и церкви. Там, куда мы направляемся, вас должны одолевать лишь две добродетели – внимательность и осторожность. Отныне каждая оплошность, каждый проступок умножается во сто крат. И цена этих ошибок может превзойти наши возможности. Вы все поняли, дети мои?

Братья хором ответили: «Да, отец».

– Вот и хорошо, – Кастор тронул за рукав супругу, которая все это время беззвучно молилась. – Прочитайте Воззвание к Свету и закройте окна – нечего без нужды смотреть в темноту.

Прежде, чем дверца между отделениями закрылась, Роланд спросил:

– Отец, а что именно ты будешь делать в Брастоке?

Старший Авигнис, обычно, редко посвящал детей в подробности своей работы. Но на сей раз что-то изменилось, и он ответил коротко:

– Ловить ведьму.

* * *

Дождь, мелкий и холодный, серой дымкой застилал небольшой каменный форт и прилегающий поселок с безликими приземистыми домиками, жмущимися друг к другу испуган-

ными овцами. Над узкими, утопающими в жирной грязи улицами торчали шесты с защитными знаками, вдалеке угадывались черные остовы от давнишнего пожарища. Желтым глазом моргал в вышине свет сторожевого маяка.

Со стороны внешних ворот показался странный караван из нескольких разрисованных кибиток, телег и одного большого фургона. Повозки ползли медленно и устало, поскрипывая расшатанными колесами, слабо мерцали фонари над козлами, а закутанные в плащи возницы казались призраками.

Процессия свернула на горбатый мост, ведущий к полукруглой площади перед воротами форта, и Максимилиан наконец рассмотрел рисунки на бортах и флагах. Удивленно охнул, чуть не выбив лбом витраж, торопливо перелез с шершавых досок строительных лесов на приставленную лесенку, съехав вниз. Перепрыгнув покрытые толстым слоем пыли деревянные панели, лежащие здесь еще со времен, когда строительством часовни хоть как-то занимались. Чуть не поскользнулся на мелких камушках, удержал равновесие, побежал к высокой арке выхода, затянутой потрепанной дерюгой. Прокричал громко и звонко:

– Роланд!

Миновав короткий коридор пристройки, Максимилиан оказался в прихожей довольно просторного двухэтажного дома, в котором они с семьей поселились после прибытия в Бросток. Когда-то здесь жил местный светочей², совмещающий клерикальную деятельность с лекарской, но несколько месяцев назад он бесследно пропал, и с тех пор дом пустовал. За порядком все это время следила пожилая пара из числа немногочисленных прихожан церкви Света Единого, теперь прислуживающая и помогающая новым хозяевам.

– Роланд! – вновь воскликнул Максимилиан, заглядывая в длинную комнату столовой.

– Зачем так громко, молодой господин? – недовольно пробасил дремлющий у входной двери охранник-кассариец. – Нету их.

– Нету? – Максимилиан затормозил на полпути на лестницу второго этажа. – И матушки нет?

– Госпожа с Паркой на базаре, – кассариец потянулся. – Господин Роланд с Эрганом за углем убыли.

– Ах да, – разочаровано протянул Максимилиан, коря себя за забывчивость. – Точно, за углем... Отец не возвращался?

Вопрос был риторическим, отец никогда не приходил так рано.

– Нет, не возвращался, – послушно отозвался телохранитель.

Максимилиан от досады чуть не затопал ногами, он должен хоть кому-то рассказать про то, что в поселок приехал цирк-шапито! Еще бы, первое развлечение за почти что двухнедельную скуку! Да еще такое!

За свою недолгую жизнь Максимилиан всего несколько раз бывал на выступлениях бродячих артистов. В основном, то были небольшие труппы из жонглеров, силачей, заклинателей змей и фокусников, но однажды отец взял их с Роландом на представление настоящего столичного цирка – и то была феерия впечатлений и восторгов! Летающие акробаты, заклинатели огня, дрессированные звери, борцы, канатоходцы, клоуны и настоящий маг и волшебник господин Бальзамо, умеющий летать и доставать из воздуха сладости.

А потом начались моровые поветрия, и гастролирующим артистам запретили въезжать в Стоунгард, последний крупный город некогда могучей Империи. Знакомые мальчишки рассказывали, что где-то за северными воротами есть специальный амфитеатр для подобных выступлений, но, само собой, Максимилиану там бывать не приходилось.

² светочей – средний чин церковной иерархии, здесь – глава небольшого прихода

Следующие пару часов Максимилиан провел, словно на иголках. Что бы он ни делал, чем бы ни пытался себя занять, мысленно находился под ярким и разноцветным куполом, в окружении музыки и смеха, сладких жареных каштанов и румяных ароматных кренделей.

Он несколько раз поднимался в недостроенную часовню, из небольшого окошка смотрел, как вырастает потертый красно-желтый шатер, как рабочие разбирают повозки, вытаскивая реквизит в больших чемоданах, как выгрузили большие блестящие решетки, какие бывают в зверинцах. Но как Максимилиан ни всматривался, ни одного животного не увидел.

День клонился к вечеру, никто из старших так и не появился. Максимилиан выскакивал на каждый хлопок входной двери, но с досадой встречал лишь вернувшегося с очередного обхода охранника.

А до площади рукой подать, стоило лишь спуститься с холма и пересечь квартал по узкой улочке. Если бегом, то дело нескольких минут, можно запросто успеть обернуться туда и обратно. Первым увидеть, что за представление готовят артисты, а может и вовсе подсмотреть за репетицией. Или понаблюдать, как кормят животных, которым строили загон. Или даже угоститься сладостями, пока их не разобрали местные.

Это ведь не сложно сделать, никто ничего и не заметит.

Мысль о том, чтобы нарушить запрет отца превратилась в навязчивое желание, в грызущее искушение. Максимилиан охотно находил возможные оправдания для такого поступка, мысленно даже спорил с главой семьи.

Чем оправдан его запрет? Да, они в чужом городе, на чужой земле, но днём чего опасаться? Этот Бросток больше похож на сонную деревушку, чем на настоящий город, даже на рынке непривычно тихо и спокойно. Сами местные – наги, как их назвал отец, ни разу не проявляли себя агрессивно, а служащие в доме Парка и Пак так вообще скромные, богобоязненные люди. К тому же, разве это честно, что у всех в семье есть какие-то дела в городе, а Максимилиану достались нудная учеба, да уход за почтовыми голубями? Это очень несправедливо!

Решение было импульсивным. Максимилиан набросил плотную куртку, спрятал лицо в маске под глубоким капюшоном, засунул за пояс один из кинжалов брата, и вылез через окно первого этажа на задний двор. Воровато огляделся, внутренне холодея от собственной смелости. Забрался на старое дерево, доживающее свой век в дальнем углу сада, прополз по ветке и спрыгнул по другую сторону забора. Поправив маску, побежал вниз по улице, моля, чтобы никто из охранников не увидел его из окна.

Под ботинками хлюпала грязь, мимо пронеслись желтоватые стены домов, покрытые у основания чешуйками плесени, и черные столбы с лежащими на вершинах крупными булыжниками – местные берега от духов.

Когда впереди показалась арка, ведущая на площадь, Максимилиан сбавил скорость, перешел на шаг, выравнивая дыхание. Сердце отчаянно стучало в груди, и не столько от бега, сколько от собственной безрассудной смелости.

Он обернулся, посмотрел на свой дом. Казалось, что тот укоризненно молчал, покачивая высохшей лозой на запертых воротах.

Если отец узнает, о его выходке, то будет плохо. Но пока во дворе не показалась казенная карета, выделенная местным бургомистром, у него есть время, просто надо поспешить, и все получится.

Максимилиан, холодея от внезапно нахлынувшего страха, вновь побежал, цокая деревянными каблуками по проступившим из грязи камням. На встречу попался одинокий прохожий, высокий и сухой наг в растянутом рыбацком свитере и со снастями на плече. Вместо личины на нем была закрывающая половину лица повязка, водянистые глаза проводили мальчика безразличным взглядом.

Центральная площадь Бростока формой напоминала мятую тыкву, как выразился Роланд. С одной стороны ее подпирали двухэтажные домики с черепичными крышами и

короткими пеньками чадающих труб, с другой – широкие одноэтажные хибары ремесленников, за которыми виднелись пологи рыночного прогона. Немногочисленные нищие, в основном калеки и старухи, грязные до такой степени, что невозможно определить надеты ли на них личины, дежурили у тянущегося через рынок сливного канала в ожидании рыбьей требухи или потрохов.

Циркачи расположились на краю площади, возле ведущей к форту дороги. Их кибитки с вертикальными навесами создали закрытое пространство для труппы, внутри гулко шелестел растянутый шатер. Оставленный для входа пролет пока что перекрывал полосатый шлагбаум, возле него смешной человечек в мешковатой разноцветной одежде и большой улыбающейся маске с пушистыми перьями уже заманивал немногочисленных зевак на представление:

– Спешите! Только два дня! Проездом из загадочной Империи Шингрей в холодную и суровую Кассарию! Феерическое и пугающее представление Ночного Бестиария доктора Брю! – хрипло каркал зазывала. – Паренёк-наизнанку! Девочка-сколопендра! Ужасающий Паук Пустошей! Младенец без костей! А также, гвоздь программы – магический иллюзориум доктора Брю!

Максимилиан остолбенел от восхищения. Он много слышал про бестиарии, но те почти никогда не выступали в Стоунгарде. Говорили, что в них показывали настолько страшных и уродливых чудовищ, что можно запросто поседеть или остаться пучеглазым до конца своих дней.

Только отпустит ли отец на такое представление? Старший Авигнис слишком озабочен безопасностью семьи, да и не жалуется подобные развлечения.

Максимилиан словно вспомнил, где находится, вздрогнул, бросил испуганный взгляд в сторону дома.

И ведь точно, не отпустит! Еще и накажет выучить очередной отрывок из Книги Света, чтобы «не забивал себе голову всякой ерундой».

От осознания возможной утраты Максимилиан тяжело вздохнул, пошарил взглядом по шатру, по пологам кибиток, по бесформенной фигуре зазывалы, за спиной которого дорогу к цирку перегораживал обшарпанный шлагбаум.

Должно быть, бестиарий откроется не раньше, чем зажгут фонари, но он не может столько ждать!

Максимилиан сжал кулаки от сожаления. Заходил взад-вперед, буквально затылком ощущая, как утекает время, как нависает над ним гневная родительская тень. Чуть не бросился к зазывале, моля пропустить внутрь, но остановился, нахмурился, присмотрелся, поправив маску.

Циркачи натянули грубую ткань между колес повозок, чтобы никто не мог прошмыгнуть не заплатив, однако в одном месте бечевка размоталась и край полотна висел свободно, чуть покачиваясь на ветру. Получившаяся брешь была слишком маленькой для взрослого человека, но для худощавого мальчика как раз то, что нужно!

Максимилиан боком двинулся в сторону дыры, не спуская взгляда с подпрыгивающего и машущего руками зазывалы, и когда тот посмотрел в другую сторону, бухнулся на колени и быстро-быстро заполз в сырой и плотный сумрак. Попытался выглянуть на другую сторону, но пальцы наткнулись на жесткий борт какого-то ящика. Он начал шарить руками в поисках выхода, но всюду попадалась лишь шершавая деревянная поверхность.

Максимилиан пополз под телегами, ориентируясь по бледным полоскам света над головой. Отяжелевшие от грязи штаны промокли и неприятно холодили ноги, ладони скользили по камням, а проклятые ящики все не кончались. Над головой то и дело раздавались приглушенные голоса, кашель, скрипы и постукивания, и Максимилиан старался не дышать, кляня свой глупый авантюризм. В какой-то момент он был готов даже повернуть назад, когда вдруг рука провалилась в пустоту по ту сторону вонючей ткани.

Он оказался в большой палатке, мрачной и холодной, которая, должно быть, примыкала к центральному шатру. Здесь было тихо, в воздухе стоял запах свежей мочи и чего-то кислого, застоявшегося.

Максимилиан заморгал, привыкая к полумраку. Радостно охнул, осматриваясь.

Вокруг серебристыми линиями возвышались клетки, установленные на передвижные помосты. Некоторые были накрыты, в других виднелись одинокие полосатые тумбы, какие использовали дрессировщики для демонстрации своих питомцев.

Пусть Максимилиан и надеялся увидеть нечто другое, более яркое и цирковое, вроде репетиции фокусников или клоунов, но был рад и этому. Он сделал шаг вперед, к одной из закрытых клеток, приподнял тяжелую ткань.

Что-то зашевелилось у дальней стенки, что-то крупное, темное. Заворочалось, мыча и кашляя, выставляя в стороны две похожие на паучьи лапы конечности. Хрустнуло, и на Максимилиана из темноты посмотрели два белесых глаза. Они странным образом завораживали, притягивали...

Существо прыгнуло с места, разом преодолев разделяющее их пространство. Но что-то остановило его, дернуло обратно, словно поводок собачонку. Клетка качнулась, чудовище издало хриплый рык, вновь попыталось прыгнуть.

Максимилиан от страха отскочил назад, споткнулся, замахал руками, ухватился за полог другой повозки, вместе с ним повалился на землю.

Над ним, из полумрака, выплыло мертвенно бледное лицо маленькой девочки, потянулось вверх, расправляя длинное членистоногое тело.

Максимилиан испуганно завопил, отполз прочь и торопливо вскочил на ноги. Вокруг стоял гвалт и грохот. Казалось, что чудовища сейчас разом набросятся, разорвут!

Он вдруг остро ощутил чье-то присутствие за спиной. Развернулся на пятках, выставляя дрожащие кулаки.

Перед ним стоял мальчишка, почти ровесник, худой, в бурых холщовых штанах и рубашке с чужого плеча. Личины на нем не было, и на Максимилиана смотрели большие испуганные глаза на вытянутом от удивления лице, обрамленном копной серых, словно пепел, волос. К груди мальчик прижимал большое блюдо с крупными кусками сырого мяса.

– Какого дьявола у вас там творится? – полог за спиной парня отлетел в сторону и появился высокий тучный мужчина с коротким стеком в руке. – Эй! А ты кто? А ну стой!

Но Максимилиан уже рванул в сторону ящиков, нырнул в дыру и, сбивая колени, пополз обратно. Ему чудились тянущиеся по пятам руки, которые вот-вот схватят, утащат, бросят на съедение чудовищам. Когда впереди появилась светлая прореха в ткани, буквально выкатился наружу, вскочил и со всех ног побежал прочь.

Остановился Максимилиан только возле арки, задыхаясь от бега и переполняющих эмоций. Оглянулся, удостоверившись, что за ним никто не гонится. Приподнял маску, вытер ладонью лицо и рассмеялся, нервно и заливисто.

Страх отступил, остались бесшабашное ликование и восторг.

У него получилось! Он смог! Заглянул на задний двор бестиария и убежал никем не пойманный!

То-то удивится Роланд, когда он расскажет ему про чудовищ.

Максимилиан посмотрел в сторону дома.

И его словно молния поразила.

К воротам медленно катилась громоздкая карета в сопровождении трех всадников в характерных доспехах с плоскими наплечниками, среди которых выделялась мощная фигура Эргана.

Максимилиан бросился вверх по склону, придерживая выпадающий из-за пояса кинжал и молясь, чтобы его не заметили. Прошмыгнул за грядой колючего кустарника, пробежал вдоль

забора и полез вверх, цепляясь за скользкие стальные прутья. Прodelав не самый приятный путь по свисающей ветке над острыми наконечниками ограждения, скользнул по шелушащейся коре вниз и залез в окно, которое, слава Свету, никто не закрыл. Оказавшись внутри, воровато огляделся, смахнул рукавом грязь с карниза и прислушался.

Из прихожей доносились шум, голоса и шелест одежд. Максимилиан разобрал властный голос отца и скупой бас Эргана, однако, был и еще кто-то, незнакомый.

Раз Эрган здесь, значит вернулся и Роланд! Нужно поговорить с ним, похвастаться!

Максимилиан повесил на пояс личину, сделал два торопливых шага в сторону прихожей, потом опомнился, стянул с себя влажную куртку, запихнул в карман кинжал брата и повесил на спинку ближайшего стула – заберет потом, сейчас нужно притвориться, будто он все это время играл во флигеле. И уже после этого заспешил на голоса – открыл дверь, прошел по коридору и остановился в отдалении от входной двери, выглядывая из-за витых поручней лестницы.

В прихожей горели газовые лампы, и в бледно-голубом свете все присутствующие походили на бумажные марионетки в театре теней, плоские, с глубокими, будто нарисованными, тенями. Черный росчерк фигуры старшего Авигниса выделялся на фоне стены, отец стоял отставив ногу и заложив руки за спину, внимательно слушая собеседника. Рядом возвышался командир телохранителей Эрган, кассариец засунул пальцы за пояс и казался обманчиво расслабленным. Один из его подчиненных держался чуть поодаль, на его плече висела громоздкая сумка-саквояж из серой лакированной кожи, в которой отец хранил свои рабочие материалы и свитки.

Четвертым человеком оказался незнакомый мужчина в куртке старомодного покроя с рукавами-гармошками, на которой угадывался выцветший цветочный узор, в дутых шароварах, из которых торчали тонкие ноги в забрызганных грязью чулках. На груди незнакомца висел геральдический медальон городского чиновника, на крупных пальцах поблескивали перстни, больше подходящие купцу, чем имперскому служащему. Личину мужчина снял, поэтому Максимилиан смог изучить его полное лицо с длинными обвисшими усами и глазами, которые блестели двумя черными бусинами над круглыми щеками.

Незнакомец перевел взгляд с отца на Максимилиана.

Кто-то ухватил мальчика за руку и тот испуганно вздрогнул, разворачиваясь всем телом.

– Подслушиваешь? – громко прошептал веселящийся Роланд. – Смотри, отец уши наде- рет.

– Дурак, – Максимилиан в сердцах пихнул брата локтем. – Дурацкие шутки.

– Ладно, не дуйся, – благородно разрешил Роланд. – Я уж и забыл, какой ты маленький и пугливый.

Максимилиан пропустил колкость мимо ушей, посчитав, что посрамит брата позже, спросил:

– Кто это?

Роланд бросил взгляд в сторону прихожей, ответил с усмешкой:

– Советник бургомистра, местный «мастер крепости». Вот только «крепостью» тут и не пахнет. На весь городок один околоток с десятком стражников да дознаватель. Ни филёров, ни гостальеров нет, даже палача нанимают. Да что говорить, у них светочей без следа испарился, а они только через неделю спохватились!

– А ты откуда об этом знаешь? – прищурился Максимилиан.

– Оттуда. Отец по пути домой за нами с Эрганом заехал, а потом в карете с этим гос- подином разговаривал. Тот пропавшего светочей хорошо знал, говорил, вместе с ним следы ведьмы обнаружили, а потом служитель Единого как сквозь землю провалился. Вроде бы он к маяку пошел, только вот не видели его там. Искали долго, но впустую – здесь люди частенько пропадают, что даже костей не находят. Кого духи уводят, а кого твари из Пустошей пожирают. Так что, Макси, не вздумай один куда-то бегать. Узнаю – отцу скажу, да сам тебе шею намылю.

У Максимилиана по спине пробежал холодок – неужели брат узнал о его вылазке? Он даже тайком покосился на него, пытаясь угадать, что же именно имел в виду Роланд.

Но тот выглядел скорее обеспокоенным, чем рассерженным, потому Максимилиан про себя выдохнул, успокаиваясь. Жаль только, что о приключениях в цирке теперь не расскажешь. Может, потом, когда вернется домой?

Тем временем советник бургомистра раскланялся со старшим Авигнисом, нацепил на лицо резную личину с поблескивающими под глазами золотистыми нитями, запахнул плащ и вышел в открытую одним из кассарийцев дверь, цокая подковками по каменным ступеням. Через пару секунд на улице скрипнули рессоры, всхрапнул конь и послышался звук удаляющейся кареты.

Как только дверь за чиновником закрылась, Кастор Авигнис забрал у телохранителя свой саквояж, приказал Эргану найти и доставить домой госпожу Авигнис, а сам быстрым шагом направился в свой кабинет. Появившийся из полумрака коридора слуга Пак попытался было предложить хозяину пройти к столу отужинать, но тот жестом указал ему уйти с дороги. Отец напоминал напавшую на след гончую, и братья по опыту знали, что в такие минуты его лучше не беспокоить.

– Отец нашел ведьму? – спросил у брата Максимилиан, поворачивая голову.

– Бери выше, – в полумраке блеснула довольная улыбка Роланда. – Они напали на след настоящего шамана.

* * *

Вернулись мать со служанкой, уставшие и встревоженные. На расспросы Максимилиана где они так долго пропадали, Ориана Авигнис лишь потрепала сына по голове и улыбнувшись сказала, что просто потеряла счет времени. Они действительно привезли большую корзину продуктов, где среди местных кургузых овощей виднелись сырный полумесяц, бледный словно лицо мертвеца, мешочек куриных яиц и копченый окорок, завернутый в промасленную мешковину, а также несколько небольших, но тугих свертков разноцветного шингрейского шелка, легкого и мягкого на ощупь. Эта похожая на крылья бабочек ткань смотрелась неуместной на фоне темных стен, серых дорожных костюмов и грязных сапогов, и было совсем непонятно, где мать сумела в такой глуши отыскать нечто подобное.

Впрочем, сопровождающий их кассариец выглядел озадаченным и виноватым. Он что-то сказал своему командиру, глядя в сторону, и Эрган недовольно нахмурился. Оказалось, что они заблудились по дороге домой, почти час плутали по небольшому кварталу, то и дело заставляя идти вперед упирающихся и фыркающих коней. Помогли только амулеты, вывешенные на внешнюю сторону кареты, да молитвы Свету Единому.

История была волнительной, но вполне понятной. В этом городе, обманчиво пустом и сонном, лишенном защиты от влияния Пустошей, по сути обреченном на медленное разложение, должно быть вдоволь водилось темных тварей. Им ничего не стоило запутать человека, заморочить, завладеть его телом и душой. Многие местные не носили личин, значит их лица могли увидеть и перенять демоны, а легкие этих несчастных заполнялись миазмами моровых поветрий.

Максимилиану на миг стало неудобно, но потом он вспомнил, что их дом полон света и тепла, что на них мощные защитные амулеты, а отец – суровый и могущественный инквизитор Ордена Радиус, способный расправиться с любым порождением Пустошей. А для других врагов есть Эрган и его кассарийцы, способные в одиночку захватить весь Брасток.

Но известие о том, что где-то совсем рядом обитает настоящий шаман, не давало покоя. Это не заблудший, не одержимый, даже не ведьма – шаманы были подлыми и коварными слугами старых богов, добровольными марионетками черной воли, направленной на причинение

вреда всему живому. Шаманы творили запрещенные чары, насылали болезни, умерщвляли скот и превращали в гниль посевы.

Во всех историях, что рассказывали братьям, шаманов было очень трудно выследить, но еще труднее поймать или убить. Впрочем, в конце всегда побеждал Свет, поэтому у Максимилиана не было сомнений в исходе дела. Его больше интересовали подробности, он ощущал себя частью захватывающего приключения.

Расспросы пришлось оставить на вечер после ужина – в семье Авигнис не было принято обсуждать за столом праздное. Поглощенный работой отец так и не спустился к ним из своего кабинета, поэтому братья ели свою чечевичную кашу с кусками окорока лишь в компании матери и Парки, прислуживающей им в молчаливой предупредительности. Ее муж, Пак, появлялся из кухни лишь для смены блюд, осторожно неся на сухих ладонях простенькие медные подносы с тарелками. Максимилиан исподтишка наблюдал за ними, стараясь разглядеть в аборигенах печать той обреченности и увядания, которой они, по его мнению, должны быть отравлены. Но как бы ему не хотелось, он ничего особенного не заметил. Что лишь подтвердило его веру в Свет Единый, способный защитить даже таких, как эти двое.

Перед сном они с Роландом наведались к наемникам, привычно надеясь на очередную страшную историю от Эргана. Кассарийцы заняли небольшую комнату в левом крыле, придав ей привычную обстановку – жесткие циновки вместо кроватей, меховые валики вместо подушек, сохнувшие на стульях и дверцах шкафа элементы брони с тонкой сеткой оберегов по внутренней стороне, два графина с вином на подоконнике и густой дым от ароматических палочек, тлеющих тут и там.

Эрган сидел за столом и изучал кривые городские улочки, начерченные на тонкой бычьей шкуре. Когда мальчики вошли, повернул к ним голову, оглаживая длинные усы. Максимилиан в очередной раз поразился тому, насколько кассариец огромен и могуч, мысленно пожелал себя стать таким же, когда вырастет.

– Расскажи историю, Эрган, – с порога воскликнул Роланд.

– Про черного шамана, – с чувством добавил Максимилиан.

Эрган резко поднял руку и прижал палец к полным губам, неодобрительно блеснув глазами.

– Тише, мальчик, – пророкотал он низким голосом. – О таком не говорят в окружении теней.

Кассариец не выглядел напуганным, но говорил с серьезной опаской, словно охотник возле логова опасного зверя. Такое поведение было ему не свойственно, от этого становилось не по себе.

Максимилиан отступил, дергая брата за рукав – ему захотелось уйти.

– Все истории завтра, – Эрган вновь вернулся к карте, фонарь осветил его грубый профиль. – Сегодня нам нужна спокойная ночь.

Разочарованные братья ушли играть в пристройку, куда уже проник вечерний холод. Здесь Максимилиан все же попытался выпытать у брата что тому известно про шамана, но то ли на Роланда повлияло предостережение телохранителя, то ли он сам толком не знал, но ничего более рассказать не смог. Тогда, чтобы хоть как-то похвалиться собственной осведомленностью, сообщил, что в город приехал цирк, в котором показывают всяческих уродцев, а еще выступает доктор Брю со своим иллюзориумом.

Реакцией Роланда Максимилиан остался доволен. Брат оживился, загорелся, даже попытался разглядеть в окно, в которое барабанил невидимый в темноте дождь, огни шапито. Спросил, откуда Макси все это узнал, на что младший Авигнис лишь загадочно улыбнулся, указывая на свои прищуренные глаза.

Они некоторое время играли в «ведьму и инквизитора», но Максимилиану это быстро наскучило – Роланд слишком быстро находил его, а когда приходила очередь Максимилиана

ловить старшего брата, то он даже если и находил, то не мог догнать Роланда. К тому же, в пристройке вместо газовых ламп горели обычные масляные «коптилки», и их мерцающего света не хватало чтобы освещать хоть что-то дальше нескольких шагов. Подступившая тьма пугала, и идти в нее искать затаившегося брата Максимилиану решительно не хотелось – а то как можно наткнуться на еще кого, страшного и голодного?

Поэтому он даже обрадовался, когда на пороге появилась Парка и возвестила, что мальчикам пора подниматься в свою комнату.

– Я не пойду, – упрямо заявил Роланд, делая выпады воображаемым мечом. – Я уже взрослый чтобы не ложиться до полуночи.

– Это приказ господина Авигниса, – тихо, но настойчиво повторила пожилая женщина, пряча руки в длинных рукавах. – После полуночи не спят только мертвецы и люди с ножами.

– У меня есть кинжал, – гордо выпятил подбородок Роланд. – Я уже не мальчик, ясно?

На служанку эта реплика не произвела никакого эффекта, ее морщинистое лицо своей неподвижностью вполне походило на маску. Она терпеливо повторила фразу, всем видом показывая, что никуда не уйдет, пока братья не последуют за ней.

Максимилиан вдруг понял, что действительно хочет подняться в детскую и забраться на кровать, под тяжелое, пахнущее льном одеяло. Может Парка расскажет им одну из своих простеньких сказок, бесхитростную и с обязательным нравоучением, но это лучше, чем ничего. Потому что он, конечно, любил эту вечернюю пору, когда звуки в доме затихали и в углах и коридорах вырастали загадочные тени, но не сегодня.

Не когда где-то рядом бродит шаман старых богов.

И он охотно поддался уговорам, направившись наверх. За ним поплелся, сопя и вздыхая Роланд, которому не хотелось в одиночку противостоять воле отца.

Парка не стала рассказывать сказок. Служанка удостоверилась, что дети улеглись, привычно пробубнила хвалу Свету Единому, приглушила ночную лампу и скрылась в коридоре.

Братья остались одни.

Скрипнула кровать Роланда, который пытался устроиться удобнее, а Максимилиан, натянув одеяло по горло, смотрел в потолок, слушая дождь за окном. Не выдержав, спросил громким шепотом:

– Роланд... Роланд!

– Чего? – откликнулся из темноты брат.

– Спишь?

– Нет.

– Роланд, – Максимилиан повернул голову в сторону брата. – Отец с Эрганом завтра будут ловить... этого... ну.

– Да, будут. Я хочу попроситься вместе с ними.

– Вместе с ними? Ух... А возьмут?

– Отец сам говорил, что мне пора учиться. Лучше случая и не придумать.

Максимилиан повернулся на бок, высматривая в темноте бледное лицо Роланда. Спросил:

– А он... ну, этот... Он на самом деле такой опасный?

Брат ответил не сразу и на пару секунд в комнате слышался лишь шелест ударяющихся о листья капель дождя.

– Знакомый парень рассказывал, что стража во время облавы наткнулась на слугу старых богов. Гонялись за душегубами, а наткнулись на тайное логово, в котором как раз ритуал готовился. Стражники с пиками в дверь, а там камни охранные, знаки кровью и пропавший кобзарь с раскрытым животом. И этот стоит, весь в черном, а вместо лица пасть звериная. Махнул рукой, и на стражников лярсы прыгнули, а этот... ну, понял, да? Демона вызвал, которую ему

тень открыл, да и ушел в нее, только и видели. А одержимых стражников потом еще несколько дней по всему городу ловили, они много народу пожрать успели.

Максимилиан тихо охнул, вжимая голову в плечи. Спросил потрясенно:

– Это у нас такое случилось?

– Говорят, у нас, – неуверенно ответил Роланд. – У этого парня дядя в страже служит, он и рассказал.

– А когда?

– Откуда я знаю? – не выдержал старший брат. – Вот прицепился с вопросами. Какая разница «когда»? Тут дело не в этом, а в том, что этот шама...

Он осекся, поправился, понизив голос:

– Эта вражина самый опасный из всех. Но наш отец знает, как с ним бороться, его этому учили. Даже думаю, что он нескольких... этих... извел уже. Вот и мне нужно научиться, чтобы защищать нас, и всех остальных. И вообще, давай спать, завтра просыпаться рано.

Он заворочался, поворачиваясь лицом к стенке.

Максимилиан какое-то время смотрел ему в спину, потом отвернулся в другую сторону. Он и без Роланда знал, что шаманы очень страшные и опасные, про то говорилось почти во всех сказках и легендах. Но никогда не мог представить, что сам столкнется с чем-то подобным. Ему просто хотелось услышать, что все будет хорошо.

Роланд уже сопел, ровно и спокойно, а к Максимилиану сон все не шел, его прогоняли тревоги и дурные мысли.

Так он и лежал, положив ладони под щеку и подтянув к животу острые коленки, когда тихо открылась дверь и в комнату вошла мать. Максимилиан узнать ее сразу, по осторожным шагам, по сдержанному дыханию, по волне тепла и уюта, ей предшествующих.

В присутствии супруга Ориана Авигнис не смела слишком явно проявлять нежность по отношению к детям, но когда появлялась возможность, то с радостью раскрывала объятия материнской заботы.

Мать осторожно подошла к кроватям, стало слышно, как она тихонько поправляет съехавшее одеяло Роланда. Скрипнул паркет, шаги раздались возле Максимилиана. Тот сделал вид, что уже спит, прислушиваясь и наблюдая сквозь чуть разомкнутые ресницы.

Мать присела на край кровати, ее легкая рука опустилась на волосы Максимилиана, погладила. Ноздрей коснулся запах ромашкового отвара, которым мать обычно мыла голову, и на щеку опустился осторожный поцелуй – и вот Ориана уже уходит, шепча молитву за здоровье детей.

Нахлынувшее умиротворение растопило все беспокойства и страхи, и совсем скоро невеста от чего улыбающийся Максимилиан погрузился в паточку желанной неги.

* * *

То был странный сон, тягучий и липкий. Максимилиан стоял в центре детской и стены перед ним плыли и изменялись, словно сделанные из горячего, податливого воска. Где-то рядом должен спать Роланд, но, как и бывает во снах, при попытке посмотреть в сторону его кровати взгляд застилала серая хмарь.

Огонек в газовой лампе взвился маленьким «пылевым дьяволом», поднялся вверх тонким хлыстом и изогнулся в сторону коридора. По бледно-голубой нити прокатилась пульсация, которая притягивала взгляд, увлекала за ней.

– Помогите, – раздался откуда-то тихий голосок. – Помогите, умоляю!

Неведомая сила, которую Максимилиан воспринял как собственную волю, потянула его прочь из комнаты. Ноги двигались будто чужие, но и это не было удивительным, в мире грез путешествующий дух редко дружит со своим телом. Единственное, что занимало младшего

Авигниса, так это то, кто же именно его зовет? Он ощущал потребность идти на зов, узнать что случилось, помочь. Ведь сейчас он не был мальчиком, он был героем, способным на любой подвиг.

Он шагал по дому и тот выглядел одновременно знакомо и странно, будто в зеркальном отражении. Мимо проплывали тени, словно рядом присутствовали другие люди, но никто не замечал Максимилиана, а он скользил мимо, не обращая на них внимания. Вот лестница вниз, вот прихожая, вот коридор в пристройку. Незнакомый голос вновь позвал его, и он определенно звучал оттуда, из полумрака недостроенной часовни.

Двигаясь плавно и тяжело, словно под водой, он вошел внутрь. Босые ноги ступали по обломкам камням и обрезкам досок, он чувствовал их ступнями и пальцами, но абсолютно не ощущал боли или хоть малейшего дискомфорта. Посмотрел вперед, где всё было призрачно и неверно, кроме узкого проема окна, цели его приключения.

– Спасите, умоляю, – жалобный голосок звучал с той стороны, будто там плакал котенок.

Руки сами собой потянули тугой засов, дернули одну створку. Максимилиан ощутил, как по волосам пролетел ворвавшийся ветер, должно быть холодный и мокрый, однако во сне это было знанием, а не чем-то осязаемым.

Девочка сидела под деревом, укрываясь от хлещущего дождя под маленькой промокнутой курточкой. Она была худой и нескладной, длинные волосы прилипли к узкому личику и тонкой шее. Когда открылось окно, она испуганно дернулась, чуть не упав, и распахнула огромные зеленые глаза.

– Почему ты плачешь? – спросил Максимилиан.

– Помогите мне, молодой господин! – девочка вскочила на ноги, с ее мокрого подола капала грязь. – За мной гонятся!

– Кто?

– Они говорят, что я ведьма! – губы девочки дрогнули, голос ломался. – А я не ведьма! Я к маме хочу!

Она закрыла лицо ладонями с длинными пальцами, ее плечи задергались от беззвучного рыдания.

Максимилиан лег животом на подоконник и выглянул наружу.

Законы сна превратили город под холмом в черную тучу, в которой огненными змеями перемещались цепочки факелов, повторяя рисунок улиц. Ветер донес похожий на звериный рев, гортанные выкрики и лязг металла. И эти звуки приближались, как и огни!

Будь это на самом деле, Максимилиан захлопнул бы окно и побежал к отцу или Эргану. Но это был его сон, в котором он был главным героем, и появившийся было страх тут же сменился твердой уверенностью в собственной неуязвимости.

– Лезь сюда! – воскликнул он, протягивая руку. – Быстрее!

Девочка благодарно улыбнулась, торопливо подбежала к дому и подпрыгнула, хватаясь за протянутую ладонь.

Ее рука оказалась удивительно крепкой, пальцы обвили запястье мальчика словно металлические прутья. Максимилиан вздрогнул, попытался вырваться, но девочка держалась крепко. Подтянулась, прошептала:

– У меня для тебя подарок, Макси. Примешь?

Максимилиан, испуганный, страстно пытающийся проснуться, практически выкрикнул: «Нет!».

– Да, – прошептали его губы.

Зеленые глаза девочки прыгнули ему в лицо, превратившись во что-то быстрое, хищное, чуждое. Максимилиан отпрянул, заходясь от ужаса, ощущая как ему под кожу втискиваются холодные угри, расползаются по всему телу, заполняя нутро. Как неведомая сила встряхнула

его, словно старый плащ, обернулась его плотью, оскалилась его ртом, зарычала его голосом. Как поползла прочь от окна, выбрасывая вперед длинные лапы-крючья.

Максимилиан безвольным придатком болтался где-то на границах сознания, не способный ни закричать, ни что-либо сделать. Он видел то проносящийся под ним пол, то искривленный вздымающийся потолок с черными поперечными балками. Мелькнул дверной проем. В поле зрения, белесом и мутном, словно сквозь бычий пузырь, появилась плечистая фигура одного из кассарийцев.

Максимилиан взорвался фонтаном толстых пиявок, проваливаясь в черную бездонную пропасть.

* * *

Он очнулся на полу и тут же вскрикнул, зарыдал от боли – голова раскалывалась, а сквозь ноздри словно протасили ветки терновника. Когда закашлялся, то изо рта вылетели сгустки не то рвоты, не то желчи, повиснув липкой слизью на щеке. Максимилиан попытался подняться, моргая слипшимися ресницами, но его грубо сбили с ног, отбросили в сторону. От удара о стену клацнули зубы, а из глаз с новой силой полились слезы, но эта встряска прояснила голову, вернула зрение и слух. Еще не до конца понимая, что происходит, Максимилиан поднялся на ноги и, покачиваясь, побрел вдоль стены.

Здесь было очень много красного, слишком много. Пол, стены и потолок всё еще плыли, но то был не сам дом, а кровь, густо покрывающая все вокруг. К ней липли подошвы ботинок, в ней оставляли разводы ладони. Розовыми островками виднелись куски разорванной плоти и отсеченные конечности. Сизыми змеями тянулись во все стороны внутренности.

Все, что осталось от суровых телохранителей капитана Эргана. Все, что осталось от самого Эргана.

Нога наступила на что-то, поехала в сторону – то оказалась оторванная кисть, все еще сжимающая рукоять широкого палаша. Максимилиан с отупляющим безразличием обошел еще теплые останки, побрел дальше, шатаясь будто пьяный.

Мимо пробежали фигуры в грязных балахонах, их лица и головы были туго замотаны лентами из плотной ткани, словно у безымянных мертвецов. В руках блестели ножи и топоры, явственно пахло смертью.

В столовой царил бардак – перевернутый стол, разбитая мебель. Кто-то дал здесь хороший бой, но теперь все было кончено. Приглядевшись, Максимилиан увидел полосы некогда разноцветного шелка на полу, что тянулись в угол, к груде лежащих тел. Там ничком лежала Парка, безвольная, словно брошенная марионетка. Из под нее торчали ноги в таких знакомых ботинках, которые обычно оставляют на вырост младшим братьям. А еще лежала мать. Лежала и смотрела прямо на Максимилиана, не мигая и пронзительно. И будто улыбалась как всегда, грустно и понимающе.

Кто-то дернул одно из шелковых полотен, и голова Орианы Авигнис покатилась в угол. А глаза блестели, и смотрели, смотрели...

– Тащите его! – рявкнули рядом.

Максимилиана, оцепеневшего и онемевшего, схватили поперек туловища, понесли наверх, прыгая по ступеням. Поставили перед отцовским кабинетом, вернее перед тем, что осталось.

Здесь было жарко, здесь пахло горелым мясом и кипящей кровью. Дверь и часть стены отсутствовали, остальное окаймляло красное кольцо тлеющих досок. Пол бугрился обугленными телами, едкий дым заполнял легкие, а сам воздух вибрировал от произнесенных заговоров и заклинаний.

В центре всего стоял отец с пергаментами в одной руке и ножом в другой. С ножа, как и с порезанной руки, на пол капала алая кровь, туда, где были нарисованы знаки, и где лежали серые, отдавшие сущность камни. На груди Кастора Авигниса, инквизитора Ордена Радиус, нестерпимо ярко горел амулет Великой Авроры.

– Прими Уговор, или твой сын будет умирать во всех мирах снова и снова, – обратился к нему человек в сером походном плаще.

Он стоял прямо на границе обугленной комнаты, неторопливо перебирая в руках четки из черных лавовых бусин, его голову скрывал глубокий капюшон.

– Ты лжешь, – Максимилиан не узнал голос отца. – Это не мой сын, ты убил их всех.

– Но не его. Пока, – серый человек сделал жест рукой. – Это действительно твой сын, твой наследник, последний из рода Авигнис. Прими Уговор, и он умрет лишь телесно, невинная душа сможет достигнуть столь желанного тобой Света.

Максимилиана тряхнули, с его губ сорвался жалобный всхлип.

Отец все же бросил на него взгляд, полный гнева, но и боли, и глубокой горечи. Его лицо на миг исказилось, он будто что-то хотел сказать сыну, что-то важное, искреннее.

– Это не мой сын, – глухо произнес Кастор Авигнис, переводя взгляд на своего противника в плаще. – Убери его и приходи за мной сам.

– Твой выбор, – пожал плечами человек в сером. – Что ж, смотри, как я буду поедать его душу.

Он повернулся к Максимилиану, сделал шаг. Сказал почти ласково:

– Смотри в мои глаза, мальчик. Смотри мне прямо в глаза.

Капюшон был скинут, человек опустился на колено. Он оказался моложе отца, с широким скуластым лицом и бледной кожей, на которой черной тенью выделялась начинающаяся щетина. Из под короткой шапки выходящих волос на виски опускались цепочки мелких шрамов, пересекающихся и создающих странный рисунок, с одной стороны простой, но в то же время неуловимо непонятный, его невозможно было разглядеть разом. Обереги человек в сером не носил, лишь в ухе поблескивала серьга из похожего на тусклое серебро металла.

– Смотри мне в глаза, – повторил он, приближаясь к Максимилиану. – Это будет не больно, но ты можешь кричать.

Младший Авигнис, все еще пребывающий на границе реальности и сна, попытался зажмуриться, но чьи-то жесткие пальцы вцепились ему в нижнюю челюсть, сжали с такой силой, что Максимилиан завыл и распахнул глаза, встречаясь взглядом с мужчиной.

Глаз у шамана не было, только черные провалы, уводящие куда глубже границ черепа. Эта бездна приковывала взгляд, плескалась в берегах глазниц, тянулась, высасывала...

– Смотри мне прямо в глаза, – тихий, но не терпящий возражений голос.

– Нет! – голос отца раздался словно сквозь вату. – Макси, беги!

Яркая вспышка смела черноту и взорвалась прямо у Максимилиана в голове, растопырившись морским ежом. Его подхватило ударной волной и швырнуло вниз по лестнице, прикладывая к ступеням и поручням. От боли младший Авигнис завопил, пытаясь сгруппироваться...

И пришел в себя.

Голова прояснилась, хотя и немного кружилась от падения. Нестерпимо болели рука, плечо и спина, в лицо словно бросили горячей золы. Но зато вновь вернулось зрение, яркое и беспощадно четкое, сразу подмечающая тот ужас, который незнакомцы устроили в доме. В нос ударил тяжелый запах крови, рот моментально пересох от горячего дыхания.

– Держи его! – завопили совсем рядом.

Прежде, чем руки со скрюченными пальцами схватили Максимилиана, он уже бежал прочь, подгоняемый страхом и отчаянием. Успел лишь бросить взгляд через плечо – на вто-

ром этаже медленно угасало сияние и вслед за наступающей темнотой в кабинет отца входил человек в сером.

Мелькнули стены с покосившимися картинами, перевернутый стол. Впереди замаячил спасительный выход, но навстречу шагнул ловец с расставленными руками и замотанным наглухо лицом. Максимилиан охнул, резко меняя направления движения, упал, заскреб ногтями об пол и словно загнанный кролик рванулся к приоткрытой двери во флигель. Споткнулся о порожек, качнулся вправо, врезавшись в стул. На паркет с шумом упала его забытая куртка, из кармана выскользнул кинжал брата. Не понимая что именно делает, действуя больше по наитию, Максимилиан схватил куртку и кинжал, шлепая босыми ногами по доскам побежал в недостроенную часовню. Позади грохнула врезавшаяся в стену дверь, но младший Авигнис уже видел свою цель – приоткрытое окно с пыльной мозаикой. С ходу перемахнул подоконник, ударом распахнул створку.

Уже приземляясь на мокрую землю понял, что не один.

Под деревом стоял мальчик из цирка, тот самый, с пепельными волосами. Он поддерживал худую девчонку, не давай упасть.

Ту самую девчонку из его кошмара!

– Ловите его! Хватайте! – раздался вопль над головой.

Циркач сделал неуверенный шаг, заслоняя Максимилиану дорогу.

Младший Авигнис выхватил из ножен кинжал, махнул наотмашь и сломя голову побежал прочь, продираясь сквозь кусты дикой розы.

* * *

Ему было очень холодно и страшно, от всепоглощающей тоски хотелось выть – и он выл, падая на колени и растирая по щекам слезы. Вновь поднимался и шел дальше, подгоняемый дыханием смерти, от которой чудом удалось спастись. Но радости не было, только невыносимые горечь и одиночество.

Перед глазами стояли картины кровавой расправы, ужасные подробности словно специально проявлялись особенно ярко. От них было невозможно отмахнуться, они возвращались, стоило только перестать думать о чем-то еще, кроме как о дороге впереди. А думать было необходимо, потому что, судя по всему, Максимилиан заблудился.

Вырвавшись из ставшего ловушкой дома, он сначала побежал вниз по улице, вопя и призывая на помощь. Но очень скоро пожалел об этом – город заполнили фигуры с замотанными лицами и горящими факелами, от домов эхом отражались их странные песни на незнакомом языке. А на Максимилиане не было даже личины, чтобы закрыться от них, и некоторые бросались ловить его, но, слава Свету, не преуспели, лишь неслись вслед гортанные выкрики и проклятия. В одной из подворотен младший Авигнис сорвал с забора забытую тряпку, соорудил подобие маски, попытался забиться в какой-нибудь подвал, укрыться в угольном сарае, чтобы отдохнуть и дожидаться утра. Но ему не дали такой возможности – внезапно наткнувшись на него троица гналась за мальчишкой достаточно долго, чтобы отбить любую охоту оставаться в проклятом городе. Перепуганный, замерзший, с разбитыми в кровь ногами, сын инквизитора выскочил на окраину, не задумываясь, не разбирая дороги побежал прочь.

Остановился лишь когда понял, что не может больше переставлять ноги, а усталость победила страх. Вокруг высились черные стены скал, и он повалился на мох под одну из нависающих глыб, пытаясь укрыться от морозящего дождя.

Короткие падения в черное безмолвие, мешающиеся с болезненным бдением, невозможно было назвать ни сном, ни отдыхом. Когда где-то рядом скатились камни – или просто показалось? – Максимилиан встрепенулся, застонал, встал и побрел дальше, будто раненый

зверь – лишенный разума, но движимый инстинктами. Шел недолго, споткнулся и упал. Здесь сознание, наконец, покинуло его.

Проснулся оттого, что свело судорогой мышцы ног, закручивая канатами. Максимилиан замычал, задергался, пытаясь ущипнуть ставшие деревянными икры. Принялся бить ноги кулаками, беззвучно рыдая и скрежеща зубами.

А проклятая ночь все никак не желала кончаться, заточив его в бесконечном кошмаре, к которому теперь примешался и густой предрассветный туман. Холодный ветер буквально резал плоть, липнувшая к телу одежда и промокшая насквозь куртка не спасали.

Когда кровь вернулась в конечности, Максимилиан встал и попытался пойти дальше, не желая замерзнуть на месте.

Сделал несколько шагов.

И ухнул вниз, не найдя опоры. Растопырив руки, пролетел несколько метров, с хрустом приземлился в сухой куст, чудом не выколов глаза. Хныча от боли и стирая кровь с длинных царапин, выбрался наружу. Застыл, разом позабыв обо всем.

Земля под ногами, вместе с травой, мхом и камнями, имела серовато-бурый цвет, словно покойник, пролежавший несколько дней в канаве. Над головой еще висели тяжелые тучи, под которыми обрывками паутины витали хлопья тумана, но чем дальше в сторону горизонта смотрел Максимилиан, тем более чистым становилось небо, превращаясь в огромное молочное полотно. И мир под этим небом был черно-белым, с глубокими и резкими тенями, без полутонов и оттенков. Весь какой-то уродливый, неправильный, изломанный, будто нарисованный безумцем, взявшим в руки уголь и мел. Кривые линии скал, тянущиеся вдаль, словно гнилые зубы, небрежные росчерки сухих деревьев, черные пустые глаза длинного покосившегося сарая вдалеке. И тишина – обманчивая, спокойная, мертвая. Лишь где-то померещилась поземка, да показалось странное мерцание, что пропало, стоило лишь присмотреться внимательнее.

Откуда-то издалека раздался трубный рев, мощный и протяжный. Что-то блеснуло между небом и землей, словно кто-то подсветил огромное зеркало на маяке.

Максимилиан попятился, хватаясь за амулет на шее, развернулся и, не взирая на боль во всем теле, на впивающиеся в ладони и ступни шипы, принялся карабкаться обратно, задыхаясь от страха.

Она появилась бесшумно, словно парение теплого воздуха над камнями, различимая лишь краем глаза – размытая человеческая фигурка, скорее тень, чем существо из плоти. Замерла, примеряясь к мальчишке, прыгнула атакующей коброй.

Амулет на груди Максимилиана вспыхнул, превратился из рябого в черный. Младший Авигнис от неожиданности отпрянул, плюхнулся на землю, широко раскрытыми глазами разглядывая оберег. Вскочил, выхватывая кинжал, замахал им, пытаясь защититься от невидимок. Закричал тоненько, умоляя:

– Не надо! Пожалуйста, не надо!

Вокруг уже кружили бесплотные враги, против которых было бессильно его оружие. Так вороны кружат вокруг умирающего щенка, упиваясь его отчаянным плачем.

Амулет смог поглотить еще двоих паразитов, потом превратился в обычный камень. Прежде, чем очередная лярса добралась до Максимилиана, тот успел прошептать:

– Мама...

Потом его тело перестало ему принадлежать.

2. Улисс Кано

Маленькая Алеста уже давно не плакала, лишь тихонько хныкала, уткнувшись лицом в пропахшую костром накидку матери. Та, чтобы хоть как-то успокоить дочь, сунула той в рот изжеванный кожаный шнурок. Алеста зачмокала и затихла, провалившись в голодный сон.

У Улисса болезненно заурчало в животе – последний раз он ел два дня назад, когда им удалось набрести на брошенное пшеничное поле с уже сухими и потемневшими зернами. Пока они набивали брюхо, его брат Магнус каким-то чудом смог уползти, и его задрали идущие по пятам волки. Густав разозлился, сказал, что сам хотел забить и зажарить ублюдка, тот все равно не мог идти дальше. Мать сказала, что Магнусу повезло, и что пусть боги примут его смерть как жертву. А во время ночевки Улисс внезапно проснулся от чувства неясной тревоги, и не мог потом уснуть до утра – в темноте блестели глаза отчима, внимательно следящие за ним. И пусть это длилось лишь несколько мгновений, сомнений не осталось – еще день, и Густав познакомит своего пасынка с холодной сталью. Не будет же он морить голодом себя и свою годовалую дочь, когда есть двое ненавистных прихлебателей?

Точнее, было двое, теперь Улисс остался один. И все больше убеждался в мысли, что именно за этим отчим и взял их с Магнусом с собой, а не бросил умирать в обреченном поселке.

Для своих одиннадцати лет Улисс слыл довольно смышленным парнем и уже многое понимал. К примеру, почему угрюмый и нелюдимый мельник взял в дом его мать, да еще с двумя ублюдками, насильно зачатыми от квартирующих в Хорте наемников. Ясное дело, не ради доброго семейного гнездышка – ходили слухи, что двух прошлых жен, странным образом одинаково пропавших в лесу, похожий на медведя Густав Кунц попросту задавил, а потому греть ему постель желающих больше не находилось. И поскольку убиенные не успели подарить супругу наследников, Густав надеялся на лоно Эстеллы. К тому же, ее отпрыски, Улисс и Магнус, стали в хозяйстве послушной рабочей силой, которым не нужно было платить, а хватало угла в сарае, да пищи с хозяйского стола.

Мать говорила, что мальчики должны по гроб жизни благодарить доброго дядю Густава, спасшего их от голода и позора. Велела слушаться и служить, всячески демонстрируя благодетель и покорность. Говорила, что лучшего мужа не сыскать. Повторяла это даже тогда, когда вместо сына родила мельнику дочь, за что поплатилась парой зубов.

Так они прожили полтора года, а потом из-за реки пришло моровое поветрие, вестник наступающих Пустошей. Суток не прошло, как жестянщик Бун и его жена покрылись серой коростой. Соседи быстро заколотили дом несчастных, однако к концу недели заболело еще три семьи, а под конец месяца черными полосами отметили уже целую улицу.

По ночам стало вовсе беспокойно. Мертвяки и раньше блуждали по улицам, скрывались в тених, смотрели в окна, но теперь принялись стучаться в двери и скрестись под стенами. Те же, кого нелегкая гнала в полуночный час за порог, могли и вовсе сгинуть без следа.

Не было спасения и днем. Что ни утро, то новый одержимый. Поселковый светочей стал серее мыши, без сна и отдыха читая воззвания к Свету над беснующимися. Тщетно, почти все померли, не выдержав борьбы за собственные души.

С севера потянулись беженцы, голодные и замерзшие, но их не пускали даже на окраины, опасаясь новой заразы. Потом передох весь скот.

То были дни странного ожидания, когда отчим закрыл мельницу и приказал всем сидеть дома и не высовываться. Мать предложила уйти на юг, как сделали уже многие соседи, сказала, что Пустоши пересидеть не получится. Отчим взбесился и отвесил ей тумаков. Он считал, что дела идут неплохо – за муку и масло брал золотом, легко отказывая иным просящим.

А потом случился пожар и они еле успели выскочить под дождь. Что успели ухватить – спасли, остальное сгинуло в огне. А отчим, вместо того, чтобы тушить дом, гонялся за селянами, растаскивающими тлеющие мешки из амбара. В конце-концов его повалили в грязь и избили палками так, что он до утра кровавые сопли пускал. А когда бледное пятно солнца замаячило на горизонте, уже бывший мельник заставил пасынков соорудит волокуши, погрузил на них что осталось и погнал семью на юг.

В дороге их дважды грабили, чудом не убили. Пока шли по лесу было еще ничего, питались корнями и мелкой живностью. Но потом началась голая, словно тарелка нищего, равнина, и вот здесь пришлось очень тяжело. Ночами сильный ветер выдувал все тепло до самых костей, днем донимали голод и жажда. От смерти их спас разоренный обоз, на который они наткнулись возле заброшенного торгового тракта. Сами телеги были выскоблены полностью, но в канаве Магнус нашел несколько укатившихся в траву палок сухой говяжьей колбасы и бурдюк с разбавленным вином. Мать сказала, что это добрый знак. Отчим ответил, что она и пасынки его проклятье, и большую часть найденного сожрал сам. Тогда Улисс поклялся брату, что убьет Густава, но это услышала мать, отодрала их за уши и сказала, что без отчима им не выжить.

Впрочем, проверить это не удалось, дальнейший их совместный путь оказался недолгим. Сначала пропал Магнус, а теперь пришел черед и Улисса.

– Мальчишка крепкий, здоровый, – Густав толкнул пасынка вперед. – Не пожалеете, господин.

Незнакомец, которого отчим назвал «господином», восседал на лощеном жеребце, небрежно сложив руки на седле. Его личина в виде искусно выполненной медвежьей морды выглядела угрожающе, дорогой зеленый камзол и отороченный мехом плащ говорили о высоком или даже благородном положении.

На эту заставу поредевшая семья мельника вышла ближе к полудню, когда липкий туман рассеялся и стало видно хотя бы дальше, чем за двадцать шагов. Тогда-то Улисс и разглядел маячивший вдалеке штандарт с незнакомой символикой, а потом и сам пост с шатрами и поблескивающими жалами алебард. И совсем не пугали торчащие вдоль дороги колья с разлагающимися мертвецами – жажда и голод оказались сильнее голоса разума.

Встретили их грубым окриком и свистом арбалетного болта над головой. Потом в доходчивой форме объяснили, что «всякую шелуху с севера во владения барона пущать не велено». И что если «шелуха» добрых слов не понимает, то колья на всех хватит, и на Густава с бабой, и на их «крысят».

А потом выехал этот господин в дорогах одеждах. Сказал, что хочет купить Улисса.

– Не смотрите, что худой, – должно быть отчим воспринял молчание покупателя как сомнение. – На нем пахнуть можно, двуличный. И послушанию обучен, послушный как телок.

– Заливает как соловей, господин Рихтер, – подал голос плечистый солдат с капральской бляхой на шее. – Откуда с севера здоровые-то? Либо чумные, либо чего похуже. Да и уж не больно щенок на него похож – сам то этот дризга³ рыжий, а пацан серый, словно пепел. Подобрал где-то, а теперь за сына выдает.

На нем тоже была «медвежья» маска, но грубая, шитая из кожаных полос.

– Не сын – пасынок, – пояснил Густав. – Бабу мерсинарий залетный насильничал. А коли думаете, что он паршивый, или в нем лярса сидит, так проверьте, вижу, способы имеете.

– Поуказывай еще, шелуха! – солдат было замахнулся тупым концом алебарды, но господин Рихтер легким жестом остановил его. Приказал коротко:

– Проверь.

³ дризга – оскорбительно наименование бедняков

Капрал кивнул, тут же свистнул кому-то в лагере и через миг оттуда появился солдат, тянувший кого-то на бряцающей цепочке. А когда стало понятно кого именно, то даже отчим посерел.

– Сбрасывай свои стружья, – скомандовал Улиссу капрал. – И смотри, чуть что – вмиг рожу оттяпает.

Мальчик задрожал, торопливо опустил глаза, пытаясь совладать с завязками на курточке и не думать о том, кто появился из-за шатров.

– Все снимай, до исподнего, – поторапливал капрал.

Шаги и бряцанье приближались. Вскрапнул конь господина Рихтера, охнула и запричитала мать. В ноздри ударила вонь тухлого мяса и нечистот, раздалось влажное причмокивание, будто беззубый старик пытался облизать жирный мосол.

– Давай уже, – рука в перчатке грубо вырвала из пальцев Улисса штаны, которыми тот пытался неловко прикрыться. – Выпрямись, крысеныш.

Того уже мутило, от страха и от обволакивающих миазмов, но подчинился, выпрямился и поднял голову, стараясь удержать поднявшийся к горлу ком.

Существо, что притащил солдат, когда-то было человеком, об этом говорили остатки одежды, висающие на худой фигуре словно лишайник на сухих ветках. Но Пустоши превратили несчастного в нечто ужасающее, в тварь с головой пиявки и повадками насекомого. Из шамкающей пасти, бордовой и влажной, нестерпимо смердело, на покрытую пятнами грудь постоянно стекали длинные вязкие слюни.

– Не дергайся если хочешь жить, – предупредил господин Рихтер.

Солдат, держащий цепочку, толкнул существо к Улиссу. Чудовище дернулось, закачалось и потянулось к мальчику своей огромной пастью, будто хотела попробовать кусочек.

Улисс зажмурился, пытаясь не поддаться панике, даже перестал дышать, молясь лишь о том, чтобы тварь ничего ему не сделала.

Кожи касалось горячее дыхание, после которого оставалось неприятное ощущение липкости. Когда клокочущие звуки из глотки раздалились перед самым лицом, Улисс чуть было не сорвался с места от ужаса, но выдержал, до боли сжав челюсти.

Экзекуция длилась недолго, хотя казалось, что целую вечность. Должно быть тварь сразу могла почуять спрятавшуюся в человеке заразу, и не было нужды обнюхивать с ног до головы.

– Сюда, холера, – цепочка звякнула и тварь суетливо заковыляла прочь, удаляясь.

– Эй, парень, – донесся голос господина Рихтера. – А ну, лови!

Улисс успел раскрыть глаза и поймать что-то маленькое, теплое. Раскрыл ладонь – то оказался небольшой гладкий камушек с красивым извилистым рисунком.

– Не разорвало, – то ли с досадой, то ли задумчиво прокомментировал капрал. – А ну отдай, басота.

Он забрал камень, подал начальнику.

– Что хочешь за парня? – спросил господин Рихтер.

– Пройти туда, – тут же откликнулся отчим, указывая за шлагбаум. – И два золотых.

Капрал в голос захохотал, будто Густав сказал очень смешную шутку. Господин Рихтер покачал головой, ответил:

– Для беженцев проход закрыт, приказ барона. Что до золота...

Он наклонился к притороченной к седлу походной сумке, вытащил тугой бурдюк и несколько полосок вяленого мяса.

– Это вам сейчас нужнее любого золота.

Отдал хрюкающему от недавнего смеха капралу, тот бросил еду к ногам отчима.

– Сейчас еще принесут сухарей и изюм, – сказал Рихтер. – На том, думаю, сделку закроем.

– Но господин! – возмущенно воскликнул Густав, на замолк, остерегаясь шагнувшего к нему капрала.

– Кстати, – Рихтер, который было поворотил коня в сторону лагеря, задержался. – Можешь продать и девочку, так и быть, накину серебром.

Улисс замер с вещами в руках, пытливо посмотрел на отчима. Тот перевел взгляд с Рихтера на супругу, которая испуганно отшатнулась, прижимая хнычущую дочку к груди. Было видно, как в Густаве борются страсти, как тяжелые и гадкие мысли переползают под его толстым лбом.

И все же, он прогнул не полностью. Медленно покачал головой и глухо ответил:

– Не продам – моя кровь.

– Отрадно, что еще осталось в мире место для родительской добродетели, – похоже, господина Рихтера отказ несколько не расстроил. – Эй, мальчик! Одевайся и следуй за мной. Нужно до темноты успеть в замок.

Улисс торопливо принялся натягивать вещи, грязные и задубевшие, но это было куда приятнее, чем ощущать дыхание чудовища. И затягивая подвязку штанов вдруг понял, что сейчас останется совсем один, что его продали навсегда, что это не игра и не шутка. Все надежды и желания разом превратились в пропасть, в которую предстояло шагнуть не по собственной воле.

Руки задрожали, взгляд затуманился от слез.

– Живее, – толкнул его в спину капрал.

Улисс подался вперед и бросился к матери, с трудом сдерживая рыдания. Уткнулся лицом в прохудившийся шейный платок, захотел закопаться поглубже, словно это могло вернуть в те времена, когда все было хорошо.

– Все будет хорошо, – ласково проговорила мать. – Это лучший выход, мой мальчик. Прими судьбу с благодарностью.

И прошептала на ухо, так тихо, будто сама боялась услышать собственный голос:

– Возьми вот это... Помни обо мне.

Что-то холодное и тонкое легло Улиссу в ладонь, и тот машинально спрятал подарок в рукав, понимая, что его не должны увидеть.

– Хватит сопли разводить, – прорычал капрал, дергая Улисса за плечо. – Господин Рихтер тебя ждать должен, дрязга?

Бледное лицо матери с полосками слез превратилось в отдаляющееся пятно, перед глазами качнулась буро-зеленая трава – и вот уже под ногами взбитая копытами дорога, ведущая в сторону заставы. Мимо проплыл шлагбаум – деревянная доска с полосками дегтя, показались грязные и стоптанные сапоги солдата. За спиной раздался хриплый голос капрала:

– Побережье там, за лесом. И не вздумайте зайти на земли барона – враз на голову укорочу!

А когда он подошел к часовым, один солдат с тревогой произнес:

– Они до темноты из леса не выйдут.

– И что? – хмыкнул капрал. – Тебе какое дело?

– Малышка у них, жалко.

– Все одно пропащее семя, – отмахнулся капрал.

Потом сказал, чуть смягчившись.

– Ладно, отнеси им пару факелов. Пусть помнят доброту истинных сынов Света Единого.

* * *

Дорогу до замка Улисс практически не видел, просидев весь путь на сухой луковой шелухе внутри большой плетеной корзины, привязанной к скрипучей телеге. Но ехали долго, почти до вечера, и за все это время крышку его клетки поднимали лишь раз, чтобы дать варе-

ную репу и несколько глотков красного кислого вина. Захмелевший, он уснул без сновидений, пробудившись лишь когда мир опасно накренился.

– Вылазь! – прикрикнул возница, толкая ногой корзину.

Улисс вывалился на дощатый помост, торопливо поднялся на ноги, осматриваясь.

Он раньше никогда не видел настоящих замков, если только на картинках, что продавались у лавочников в базарные дни. На плотных карточках белоснежные башни тянулись прямо к небесам, ребристые стены украшали разноцветные флаги и гербы, а по перекинутому через ров мосту друг за другом скакали рыцари с длинными копьями.

Замок барона Баера не был похож на замки с картинок – грубо собранная из гранитных блоков приземистая бочкообразная башня с двумя крыльями-пристройками. Из стен выпирали полукруглые балконы-данскеры для отправления нужды, над главным входом болталось длинное полотнище, где на золотом фоне стоял на задних лапах ревущий силуэт черного медведя. Никаких рвов и мостов, лишь тяжелые окованные двери, ведущие во двор, обнесенный обычным деревянным частоколом. Тут и там покачивались на шестах треугольные веревочные обереги, изрядно разломаченные птицами.

Даже на неопытный взгляд Улисса замок не выглядел столицей баронский владений, а больше походил на старый приграничный форт.

Рядом в грязь упал огрызок яблока. Улисс повернул голову – возле длинного деревянного амбара стояла растрепанная девчонка лет пяти в простой деревянной маске и с любопытством смотрела на него. В ответ на приветливую улыбку подняла с земли комок грязи и бросила в пленника, хоть и не докинула.

Громадная рука опустилась ему на шею и зычный голос над головой с ленцой произнес:
– Заблудился?

Пузатый красномордый бородач в стеганном жилете и без личины развернул Улисса лицом к себе, оценивающе окинул взглядом сверху вниз, будто рыбу на базаре. Приказал:

– Зубы покажи.

И прежде, чем мальчик подчинился, ухватил толстыми пальцами за его нижнюю челюсть и сжал, раскрывая рот Улисса пошире. Бегло посмотрел, протянул:

– Сгодится.

Кивнул в сторону пристройки, подтолкнул в спину.

Улисс пошagal к двери, все еще не понимая что происходит. Зачем он понадобился этим людям? Наверняка для какой-нибудь работы, где молодые парни сподручнее всего. Он может быть загонщиком на охоте, птицеловом, посыльным, да хоть полотером. Лучше бы, конечно, остаться при мельнице, или на кухне, все хоть знакомая работа, но в его ли случае жаловаться? Ведь матушка права, уж лучше здесь, с единоверцами, чем с отчимом или с ночными чудовищами.

Мысли сами собой перескочили к родным. Как они там? Должно быть, все еще бредут по лесу? На отчима Улиссу было плевать, но о матери и маленькой Алесте он переживал. Успеют ли до темноты пересечь лес? А если нет, то найдут ли укрытие? Смогут ли защититься от того, что приползет за ними ночью?

Улисс вздохнул.

Если бы не отчим, его бы не продали людям барона. С другой стороны, как еще можно было добыть воду и провизию? Нет уж, пусть Густав и урод, но он заботится о матери и о маленькой Алесте. А Улисс уже взрослый, не пропадет.

Эта мысль придала уверенности, и мальчик пошagal бодрее, даже расправил плечи, стараясь казаться взрослее.

– Заходи, – над головой протянулась рука и толкнула тяжелую дверь.

Та, звякая кованным засовом, со скрипом отворилась внутрь, выпустив наружу холодный воздух с плотным запахом тушеной капусты и еще чего-то, смутно знакомого, но никак не узнаваемого.

– На лестницу, – вновь указал бородач.

Они очутились в небольшом зале, обставленного достаточно скромно даже по меркам сына мельника. Несколько лавок возле грубо сколоченного стола, бадья с кривым ковшом, небольшой камин с кривой заслонкой, торчащие из стены пожелтевшие олени рога. За столом играли в кости солдаты, громко разговаривая и грохая по столешнице треснутой дубовой кружкой. При появлении Улисса лишь один повернул голову в его сторону, остальные не прекратили своих занятий, видимо, привыкшие к новым лицам.

– На лестницу, – повторил сопровождающий.

Узкая деревянная лестница тянулась вверх вдоль левой стены к небольшому балкону, и потертые ступени опасно скрипели, когда на них наступали. Здесь оказалась еще одна дверь, за ней длинный темный коридор, ведущий, должно быть, через всё крыло. Свет падал из редких узких бойниц, его хватало ровно настолько, чтобы не споткнуться о неровности каменного пола. В одном месте источник света оказался с непривычной стороны – в узкой нише глухого балкона светилась дыра в центре нужника, оттуда ощутимо поддувало.

– Сюда, – бородач раскрыл очередную дверь и указал жестом. – Пришли.

Тот самый неуловимо узнаваемый запах шел отсюда – запах щелока, выпаренной древесной золы, которым мылись те, кто победнее, кто не мог себе позволить сальное мыло. Этот терпкий дух стоял в воздухе практически осязаемо, смешиваясь с влажными парами и запахом человеческих тел.

Первым, что бросалось в глаза, была крупная деревянная бадья, возле которой, на длинной лавке, сидело шестеро закутанных в грубые хлопковые простыни детей – четверо мальчишек и две девчонки, все разного возраста, но не сильно старше Улисса. Все выглядели растерянными, кто-то даже испуганным, они походили на мокрых воробьев, сбившихся на ветке.

На противоположной стороне комнаты высилась гора грязной одежды, возле которой с недовольным видом кряхтела, засовывая обноски в мешок, полная женщина в платке. Возле нее с насмешливым видом стоял крепкий седой мужчина с мечом на поясе, отпускал в адрес женщины какие-то колкости.

Дверь на противоположной стороне комнаты распахнулась, из нее вышел высокий худой мужчина в переднике из свиной кожи и в маске, похожей на короткий птичий клюв, над которым поблескивали два стеклышка в квадратной оправе. Он напоминал важную цаплю и это даже позабавило Улисса. Жаль только, что не получилось подсмотреть что было в комнате, откуда вышел этот странный человек, там мелькнуло нечто большое, белое и красивое.

– Не проколи уринарию, иначе опять все испортишь, – крикнул мужчина в закрывающуюся дверь, потом повернулся к женщине, спросил возмущенно. – Марта, ты опять убиралась в моем рабочем кабинете?

Марта отвлеклась от перебирания обносков, промычала:

– Нет.

– А куда опять запропалились трубки для дренирования? Как мне работать? В этой проклятой дыре хороших стеклодувов днем с огнем не сыскать, чтобы новые сделать!

В ответ на свою эмоциональную тираду он получил лишь безразличное пожимание плечами.

– Свет Единый, как же мне не хватает моей лаборатории в Аргате, – мужчина-цапля с досадой всплеснул руками, потом, видимо, заметил Улисса, взвился возмущенно. – Еще одного? Зачем? Я не просил!

Бородач указал на мальчика, пробасил:

– Господин Рихтер со второй заставы прислал.

– А сам он где?

– Должно быть, убыл с инспекцией далее... Дык что, господин Вёхнер? Малого в «темную» спустить?

Все это время Улисс то и дело бросал взгляды на других ребят, но те лишь отводили глаза и вообще выглядели каким-то пришибленными, а при появлении «клюволицого» так и вовсе головы опустили. Что бы это ни значило, но Улиссу такое поведение не понравилось. Как и слово «темная».

– Да погоди ты, раз уж привел, – человек-цапля чуть успокоился. – Дай посмотрю.

Он в пару шагов пересек комнату, согнулся в поясе, словно колодезный аист. Из-под стекол на Улисса воззрились серые глаза.

– Почему без маски? – буркнул господин Вёхнер. – Сколько раз говорил, как об стену. Сами будете потом экзорции проводить, помяните мое слово.

Его твердые и холодные пальцы впились Улиссу в плечо, помяли, потом ткнули в живот, в бока, потрогали шею. Всю процедуру худой мужчина сопровождал еле слышным задумчивым бормотанием, особенно не заботясь больно ли мальчику, слышит ли он его или нет.

– Ладно, – наконец он убрал руки, выпрямился. – Возраст хороший, кожа чистая, бубонов не наблюдаю. Хоть и худой изрядно, но видно, что в относительном здравии. Пойдет на выпарки и гепарный элексир.

Сердце Улисса тревожно ёкнуло, глаза лихорадочно принялись искать выход. Он не понимал о чем говорят эти люди, это настораживало, как и чрезмерное к себе внимание, как и все эти ощупывания, разглядывания. И еще эти дети, испуганные и покорные.

Словно ягнята на бойне!

Ему показалось, или он услышал чей-то сдавленный стон?

Господин Вёхнер громко хлопнул в ладони, нетерпеливо потер их. Азартно произнес:

– Что ж, мойте его и к остальным. Сегодня хороший день для лечения, пора приступать...

Вдруг дверь за спиной Улисса распахнулась и он увидел, как дети, стражник, Марта и даже человек-цапля синхронно поклонились.

– Господин барон, – подобострастно пробасил бородач, отходя в сторону.

Прежде Улисс услышал гортанное покашливание, клокочущее и раскатистое, потом его ноздрей коснулся травяной аромат, мятный и пахучий, за которым не очень хорошо скрывались запахи старости и недержания. И лишь потом в поле зрения появился похожий на призрака человек в белой распашной рубашке до пят, с покрытой бурыми пятнами пергаментной кожей, в золотой медвежьей маске, над которой торчали редкие седые волосы.

Должно быть, некогда барон был могучим и крепким, об этом говорили ширина его плеч и огромные руки, явно привыкшими сжимать меч. Годы тянули мужчину к земле, однако он, хоть и шаркающей походкой, но пытался идти с упрямо поднятой головой.

– Мой господин! – Вёхнер подскочил к барону и попытался подхватить того под локоть. – Давайте помогу.

– А ну прочь, пока по роже не получил! – ворчливо отмахнулся старик. – Я еще вас всех переживу, черви.

– Нисколько не сомневаюсь, господин барон. Вижу, наше лечение приносит потрясающие плоды.

Вёхнер сделал длинный шаг назад взялся за ручку двери и распахнул ее, чуть поклонившись.

– Прошу, мой господин, все уже готово.

То, что открылось по ту сторону, не могли видеть сидящие на лавке дети. Для остальных же, видимо, действие в светлой комнате не представлялось ничем особенным.

Но не для Улисса!

Он остолбенел, ощущая, как его разум погружается в серую пропасть, не желая осознавать увиденное.

Белоснежная ванна с серебристым ободком, столик на тонких ножках, ажурная этажерка с блестящими пузатыми бутылочками.

Бордовые капли на белой поверхности, тонкие лезвия и маленькие клещи на столике. Алое, струящееся по прозрачным трубкам.

Мужчина в свином переднике и в птичьей маске, мерно качающий небольшую помпу. Наклонная крестовина и человеческое тело на нём, раскрытое посередине, будто малиновый пирог. Слишком худое и маленькое, чтобы принадлежать взрослому.

Мальчик, мертвый и уже мраморно белый, слепо смотрящий на Улисса остекленевшим взглядом.

Ноги сами рванули прочь, в сторону выхода за спиной. Голова не думала, в мозгу билась лишь одна мысль: «Бежать! Все равно куда, но бежать!».

Его бы никто не успел поймать, никто не ожидал такой реакции – никто, кроме барона. Он стремительно для своего дряхлого вида выбросил руку и схватил Улисса за локоть, сжал так сильно, что та враз онемела.

– Куда, червяк? – зашипел барон, притягивая его к себе.

Улисс действовал бездумно. В кулаке каким-то чудом оказался последний подарок матери, и он ударил в то, что пугало его сейчас больше остального.

Барон завыл, отпуская мальчишку и хватаясь за лицо. Между пальцами, прикрывающими правый глаз, торчал блестящий кончик старой вязальной спицы.

Улисс всем телом бросился на дверь, вышиб ее и оказался в коридоре. За спиной уже ревели, топали и проклинали. В другом конце каменной кишки появился солдат с обнаженным кинжалом в руке.

Выход был лишь один, он почти исчез из виду в темноте неглубокой ниши.

Не задумываясь о последствиях, Улисс прыгнул ногами вперед, молясь Свету чтобы не застрять. Голодание последних дней все же не оказалось напрасным – он с легкостью провалился в гнездо нужника, лишь задев затылком каменную кромку. Полетел вниз, видя перед собой мелькания серой стены. Удар о землю сложил его пополам и выбил воздух из легких, но это казалось сущей мелочью, сложнее было вскочить на подгибающиеся ноги и бежать дальше.

Должно быть, сегодня Свет Единый решил воздать Улиссу за все страдания и лишения. На улице уже сгущались сумерки, а стража барона не успела зажечь все факелы, отчего по углам и вдоль стен оставалось достаточно спасительной тени для перепуганного беглеца. Пока на крики барона сбегались солдаты, Улисс смог добраться до ворот незамеченным. Створки уже начинали закрывать, скрипя тяжелыми петлями. Больше не скрываясь, мальчишка бросился прямо сквозь них, между двумя мужчинами с длинными алебардами. Не оглянувшись на окрик, лишь запетлял зайцем, когда вслед со свистом полетели арбалетные болты. С хрустом влетел в орешник, пропихнулся сквозь него в темный лес и побежал дальше, прикрываясь руками от хлещущих по лицу веток.

За ним гнались. Он слышал рев боевых рогов и казалось, что они прямо за спиной. Слышал лай собак, крики и свист. Иногда все смолкало и тогда Улисс позволял себе перевести дух, тщетно сдерживая горячее дыхание и таращась в черноту ночи. Но потом все начиналось вновь, уже с других сторон, и он с ужасом понимал, что его окружают, загоняют, словно лисицу. Несколько раз врезался в стволы деревьев, падал, всхлипывая и еле сдерживая слезы. Когда в очередной раз споткнулся о невидимый корень и чуть не разбил голову о камень, попытался забиться между корнями поваленного дерева. Услышав отдаленный собачий вой, вылез обратно и принялся на ощупь карабкаться на ближайшее дерево, надеясь, что там сможет переждать погоню. Лез пока ствол под руками не сделался совсем тонким, и не закачался из стороны в сторону, подставляясь холодному ветру.

Сколько он так сидел Улисс точно не знал. Глаза понемногу привыкли к темноте и он даже смог различить изломанную грань между вершинами черного леса и низким темно-серым небом. Несколько раз ему казалось, что он видел отсветы факелов, но то было так далеко, что вполне могло просто привидеться.

Наверное он задремал, потому что проснулся от того, что начал съезжать вниз. Испуганно припал всем телом к стволу, понимая, что замерз до такой степени, что почти не чувствует ног. Принялся растирать их ладонями, попутно оглядываясь по сторонам.

В лесу было подозрительно тихо, лишь ветер изредка скрипел старыми деревьями. Ни лая собак, ни голосов людей барона – лишь какой-то чуть слышимый звук, то ли стрекот цикад, то ли хруст сухих листьев.

На соседнем дереве что-то шевельнулось, беззвучно и осторожно. Улисс протер глаза, принялся всматриваться в переплетение веток – при желании, он мог бы туда допрыгнуть.

Или кто-то мог допрыгнуть оттуда?

На соседнем дереве определенно кто-то сидел, на одной с ним высоте, также обхватив ствол и свесив ноги. Детали все никак не получалось рассмотреть, этот «кто-то» словно постоянно ускользал от пристального взгляда.

Или от голода и холода уже мерещится всякое?

Или это создание Пустошей, вышедшее ночью на охоту?

Черная фигура внезапно отделилось от дерева и потянулось в сторону Улисса, вытягиваясь и удлиняясь, будто дым от костра.

– Свет Единый, защити! – запричитал Улисс, торопливо опуская глаза и соскальзывая вниз. – Свет Единый, обереги!

Ветки ломались под ногами и сыпались в темноту. Запоздало пришла мысль, что на земле могут ждать другие чудовища, но и оставаться на дереве сил не было. Единственное, что Улисс сейчас мог, что уже спасло ему жизнь, так это бежать, пусть даже в неизвестность.

С шумом съехав по стволу, царапая живот и руки об острые чешуйки коры, на ватных ногах поскакал прочь, сдирая с тела рубашку и заматывая ею лицо.

Нельзя, чтобы демоны запомнили его и потом нашли среди спящих!

Что-то шелестело по пятам, и Улисс не останавливался, не щадил себя, продираясь через ветки и прыгая через канавы. Застрекотало слева и справа, по волосам что-то пронеслось, будто легкая паутина, липкая и тянущаяся следом. Он замахал руками, пытаясь отогнать от себя невидимую тварь, ударился о внезапно возникшую ветку и покатился куда-то вниз, считая ребрами бугры корней и трухлявые остовы пней. Вскочил, тяжело дыша.

Что-то пронеслось сквозь него, аж сердце защемило. Но верно помогли молитвы – никто им не завладел, никто руки-ноги не оторвал.

За спиной бухнуло, раз, другой. Захрустели ломаясь ветки, затрещали тяжелые сучья.

Кто-то огромный и тяжелый шагал по пятам, раздвигая деревья и давя кусты. И с каждым шагом дистанция между ними сокращалась.

Улисс заорал, бросился вперед, закрыв лицо руками. Прорвался сквозь заросли подлеска, выбежал на простор, где уже открыл глаза. Закричал пуще прежнего.

На него надвигался огонь, его багряной свет подсвечивал лицо демона!

Точнее, лица. Одно будто спящее, мужское, с сомкнутыми веками. Второе – свирепое, зубастое, с огромными желтыми глазами. Эти лица плыли отдельно, друг за другом, раздвигая собой темноту.

Завидев застывшего Улисса, демон рывкнул, подался к нему, но тут же вернулся обратно, проплыл мимо. А за ним потянулось что-то большое, высокое, скрипучее и бряцающее словно утварь жестянщика в ветреную погоду. А дальше – еще одно, уже с зеленым огнем, а за ним – еще.

Опешивший Улисс не сразу сообразил, что стоит на дороге, по которой мимо неторопливо катятся большие крытые телеги, запряженные самыми обычными лошадьми.

В лесу позади протяжно застонало падающее дерево. Улисс вздрогнул и без раздумий прыгнул под болтающийся полог одной из телег, перевалился через деревянный борт, уперся спиной в набитый тряпками куль, свернулся клубком и затих, слушая мерный скрип колес.

Звук убаюкивал, успокаивал. Улисс пытался удержать тяжелеющие веки, но в итоге сдался, успев запомнить лишь одно – короткую надпись на деревянной стенке: «Доктор Брю».

3. Максимилиан Авигнис

Он несколько раз всплывал к свету и видел странные пугающие пейзажи – бескрайнюю долину черных башен с вырывающимися из окон языками пламени, зеркальное озеро, покоящееся в глубине костяного кратера. Видел огромную гору, испещренную пещерами, видел заброшенные деревенские дома, ползущие через поля словно гигантские крабы. Видел вереницы странных существ, бредущих по вулканической пустыне.

Видел укутанного в теплый плащ человека, застывшего на обломке скалы, что подобно кораблю плыл по бескрайнему морю.

Видел себя словно со стороны, худого и изможденного, балансирующего на краю обрыва.

Но каждый раз после «всплытия» его вновь утягивало во тьму, где истязали и мучили, раз за разом утаскивая все дальше и дальше от света. Бесполезно кричать, сопротивляться или молить о пощаде, здесь у него не было ни сил, ни голоса.

Так продолжалось вечность.

А потом его спасли.

Южанин Анук, круглолицый наг-язычник, сидел у костра, скрестив ноги, и со вкусом грыз полоску вяленого мяса. Он служил у капитана Себастьяна Равса и умел «ходить за душами» и «видеть следы других миров». Личину наг не носил, вместо этого чернил лицо золой от костра, и еще никогда не смотрел в глаза, говоря, что это двери в обе стороны.

Заметив, что Максимилиан смотрит на него, Анук протянул в его сторону изжеванный кусок оленины.

– Спасибо, не надо, – ответил Максимилиан, закашлявшись.

Сорванное горло все еще болело и слова давались тяжело. Один из гостальеров, Клобунт, сказал, что никогда не слышал, чтобы одержимые так ревели и рычали, а уж он «этого добра всяко навидался».

– Ноги убери, пока не отрубил, – пнул в голень проходящий мимо Годвен. – Подобрали балласт, будто своего не хватало.

Максимилиан торопливо подогнул ноги, потеряв место удара.

Проводник Годвен ему не нравился – маленький сутулый человек с повадками хорька при любом случае нелицеприятно высказывался по поводу спасенного мальчишки, всячески старался его толкнуть или стукнуть, показывая насколько не рад появлению неожиданного попутчика. Максимилиан не понимал почему к нему такое отношение, тем более, что остальные шестеро из команды капитана если не были к нему добры, то уж точно неприязни не испытывали. И не сомневался – если бы не командир отряда, Годвен давно бы бросил его умирать, а то еще и помог своим длинным солдатским ножом.

Максимилиан искал глазами капитана. Себастьян Равс, статный белокурый мужчина с аккуратной бородой и яркими синими глазами, стоял на границе лагеря и что-то обсуждал с Эдит, лекарем команды, носящей на плаще фибулу Ордена Клематис. Как и подчиненные, капитан носил набивную куртку с тесьмой по бокам, крепкие кавалерийские штаны и сапоги с отворотами, но в отличие от Годвена или гостальеров умудрялся содержать свою одежду в относительной чистоте и аккуратности. Во время переходов он надевал неоднократно правленную кирасу и широкополую шляпу, маску носил самую простую, из клееной кожи с прорезями для глаз. На шее капитана поблескивал небольшой амулет с двумя разноцветными самоцветами, на руках сухо постукивали наборные браслеты-обереги, на поясе висел кисет-ляпис со множеством одухотворенных камней, которыми Себастьян Равс управлялся крайне умело.

Максимилиан повел плечом, попытался незаметно почесать над лопаткой, где под повязкой зудел вживленный под кожу камень. Это заметила Эдит, погрозила кулаком.

Максимилиан ни разу не видел ее без полупрозрачной серой ткани, закрывающей лицо. Даже во время еды храмовница отходила в сторону и садилась спиной ко всем остальным. Ее спокойный голос всегда был строгим и скупым на эмоции, движения вкрадчивые и очень выверенные. От одежды устойчиво пахло мазями и притирками, а под плащом висел небольшой изогнутый лук. И если Эдит что-то утверждала, с ней не спорил даже капитан.

Полной её противоположностью были гостальеры, Клобунт, Дормунт и Ягор. Охотники на призраков под патронажем Ордена Фурадор, в своих черных кожаных жилетах с вырезанными символами и заклинаниями, с серебристыми мечами-крюками и целыми сумками всякой полезной снасти были довольно разговорчивыми и постоянно подшучивали то друг над другом, то над Годвеном и Ануком. Даже маски у них были одинаковыми, плетеными из красной лозы, поэтому Максимилиан иногда путал кто из них кто.

Камень под кожей вновь зачесался и чтобы отвлечься от навязчивого зуда, Максимилиан решил немного размяться. С кряхтением, будто старик, поднялся, сделал несколько шагов. Остановился, раскачивая руками туда-сюда.

Болели мышцы, болели кости и суставы. Саднили порезы, неприятно ныли синяки. На пальцы было неприятно смотреть, они распухли и почти на каждом был поломан или сорван ноготь. Эдит сказала, что большинство ран он нанес себе сам и обильные царапины по всему телу были тому подтверждением.

Они нашли его в камнях возле старой мельницы. Прошли бы мимо, если бы не Анук, заметивший мальчишку в хорошей, хоть и грязной одежде, у которого «душа еще не покинула тело». Обычно не дело экспедиции заниматься одержимыми, тем более в Пустошах, но капитан внезапно сжалился над Максимилианом, приказал провести экзорцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.